

ВОДА ПОЙДЕТ В КРЫМ

К автобусной остановке на одной из симферопольских улиц подошел человек с чемоданчиком в руке. Он спросил:

— Скажите, пожалуйста, как проехать к морю? Тотчас же раздались несколько голосов:

— К какому морю? К нашему? У жителей города с недавних пор действительно появилось «свое» море — Симферопольское водохранилище, созданное в пойме реки Салгир. Водохранилище расположено почти за южной чертой города и уже вполне обжито: сюда приезжают загорать, купаться, ловить рыбу, покатаются на лодках, шверботах, яхтах. Существует даже специальный автобусный маршрут «Центр — Водохранилище».

Главное назначение Симферопольского моря — снабжать водой город и строящуюся Салгирскую оросительную систему. Ее сеть тремя многокилометровыми линиями протянется к северу и орошит земли двух десятков колозов и совхозов — свыше десяти тысяч гектаров полей, садов, огородов. В этом году два ближайших к городу колоза уже начали получать салгирскую воду.

Я побывал в одном из них, в колозе имени А. А. Идальова. И предстал передо мной Григорий Иванович Гаспарян, и бригадир-овощевод Федор Федотович Заболотный, и все, с кем мне пришлось говорить, были очень рады появлению салгирской воды, но в то же время резко критиковали строителей за медленные темпы сооружения оросительной сети.

Впрочем, строители обязались в этом году протянуть трубопроводы еще до десяти колозов, увеличив площадь орошаемых земель до 3,5—4 тысяч гектаров.

Это только часть крупных ирригационных работ, которые будут осуществлены в Крыму в годы шестой пятилетки.

Особенно много предстоит сделать в безводных и засушливых районах северной и центральной части полуострова. Здесь вода всегда была острейшей потребностью. Источники, артезианские скважины и колодези (а их в Крыму ежегодно бурят десятки) не хватает. Воды мало, а она требуется и для орошения, и для бытовых нужд населения. В этих местах пятью годами приходится привозить за тридцать-сорок километров. А кое-где вынуждены пользоваться «ко-

пандиями» — небольшими водоемами, в которых скапливается дождевая вода. По Северо-Крымскому каналу в сухую степь хлынут животворные воды Днепра. Канал пересекает весь полуостров от Перекопского перешейка до Керчи. На протяжении 424-километровой трассы канала будут сооружены несколько больших водохранилищ общей емкостью в 135 миллионов кубических метров, 13 крупных насосных станций, несколько линий железобетонных трубопроводов, десятки других оросительных сооружений.

От главной линии канала пойдут его ветви — 50-километровый Красногвардейский канал, Старо-Крымский канал (длиной более 30 километров) с более мелкими оросительными ответвлениями. Общая протяженность каналов в Северном Крыму

превысит две тысячи километров.

Вода будет подаваться на территорию двенадцати районов, в сады и на поля более ста колозов и совхозов. После окончания первой очереди строительства прирост новых полей составит 50 тысяч гектаров. Кроме того, будет обводнена площадь, равная еще почти 200 тысячам гектаров. Полностью будут удовлетворены потребности в воде Керченского промышленного района, Феодосии, ее пригородных предприятий, Джанкоя и других крымских городов.

Воды Северо-Крымского канала заполнит более чем двести колозов и многие сотни искусственных водоемов. Экономисты подсчитали, что все затраты на это строительство окупятся в течение первых же двух лет. Достаточно сказать, что только новые площади орошаемых земель помогут вырастить 134 тысячи тонн фруктов и ягод, 194 тысячи тонн винограда, 192 тысячи тонн овощей и бахчевых культур, 48 тысяч тонн риса и кукурузы и т. д.

Ирригационные изыскания проводятся сейчас и в южной части полуострова. Для обеспечения водой предгорных и горных районов Южного Крыма разрабатывается схема комплексного использования всех протекающих здесь рек — Альмы, Качи, Бельбека и других. Будет создана сеть водохранилищ, трубопроводов и каналов, которая позволит резко улучшить снабжение водой населенных пунктов, обеспечит устойчивые высокие урожаи винограда, фруктов, овощей, табака.

А. ПОЛОВНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

На снимке: проект Северо-Крымского канала. Симферопольское водохранилище, разрабатываемый Министерством сельского хозяйства СССР.

Здесь встречались великие поэты

Около ста тридцати лет назад в Москве встретились А. Пушкин и А. Мицкевич. Встреча эта произошла в доме № 6 на улице, носившей ныне имя Немировича-Данченко.

Здесь в прошлую субботу была установлена мемориальная доска — гравюра. Польский скульптор М. Мильберг изобразил обоих поэтов в полный рост. На верхней части доски — надпись о том, что в этом доме в 1829 году встречались великие поэты. Под ней стихи Пушкина о Мицкевиче:

«Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

А затем на польском языке воспроизведены слова Мицкевича о его встрече с Пушкиным.

На открытие гравюры прибыли Чрезвычайный и Полномочный Посол Польской Народной Республики в СССР Вальдемар Левковский и сотрудники посольства.

По поручению Министерства культуры СССР, исполкома Моссовета Союза писателей СССР и Советского комитета защиты мира митинг открыл К. Ушаков. Выступили поэты Е. Долматовский и С. Кирсанов, польский посол В. Левковский.

На родине Ивана Франко

— Под этим дубом часто отдыхал Иван Франко. Здесь он вынашивал свои думы, писал свои произведения.

С вниманием и слушали пионеры Исаевской семилетней школы в Дрогобычской области рассказ о жизни выдающегося украинского писателя Ивана Франко.

В эти дни в селе Нагуевичи — родине писателя — особенно оживлено. Сюда приезжают экскурсанты, чтобы ознакомиться с местами, связанными с жизнью Ивана Франко.

Франко. Осматривают памятник писателю, установленный в центре села, дуб, под которым он отдыхал и творил, знакомятся с мемориальным музеем Ивана Франко.

Нагуевичи переименованы в село имени Ивана Франко. Независимо изменилось оно за годы после воссоединения Западной Украины в единое Украинское советское государство. Крестьяне села Нагуевичи объединились в колхоз и назвали его именем своего земляка — писателя-патриота.

На снимке: экскурсанты у дуба Ивана Франко.

Текст и фото Г. Любинского

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 87 (3588)

Вторник, 24 июля 1956 г.

Цена 40 коп.

Ученый на периферии

Проф. Б. МИХАНТЬЕВ,
ректор Воронежского государственного университета

Нередко случается: философ, с блестящим защитивший диссертацию при столичном вузе, или историк, уже серьезно занявшийся о себе в науке, или представитель какой-то другой гуманитарной дисциплины отбыл на периферию. Проходит год, другой... Но что-то не слышно об успехах ученого, подававшего большие надежды. Не появляются в печати его статьи, не выходит в свет его книги.

— Периферия засосала, — говорят в таких случаях, часто даже не давая себе отчета в реальном, истинном значении этого суждения.

Химики по специальности, я не случайно выбрал для примера представителей гуманитарных наук. При всех трудностях, которые приходится преодолевать физикам, химикам, геологам, биологам, ведущим научную деятельность вдали от столичных центров, все же их положение, а главное — конечный эффект их работы, конкретный вклад в развитие большой советской науки выгодно отличаются от того, что пока удается нашим коллегам — представителям гуманитарных наук. Как ректор университета я сужу об этом не понаслышке. Между тем назрела необходимость в том, чтобы многотысячный отряд представителей общественных наук, находящихся на периферии, получил возможность с гораздо большей силой влиять на развитие нашей культуры, на марксистскую разработку актуальнейших проблем в области истории, экономики, философии, права, в области всех гуманитарных наук. Что же препятствует этому?

1. Времени с нарастающей силой раскрывается революционный смысл и значение исторических решений XIX века КПСС.

Борьба против культа личности и его последствий, разрывная и неутолимая потребность нашей партии при активном участии народных масс, идет под знаком искоренения всего, что сковывает инициативу, творческие силы, мешает смекалке и простоте мысли. Теперь, в свете документов съезда, ясно видно, что творческая робость, преимущественная ориентация на темы, апробированные центром, внутренняя примиренность с тем, что кардинальные проблемы общественных наук могут решаться только в Москве, — эти и многие другие беды развились в среде периферийных ученых как прямое следствие культа личности. Под его воздействием периферийные кафедры общественных наук со временем пришли в творческое опешивание, десятки и сотни талантливейших специалистов оказались в стороне от участия в полнотной научной разработке насущных вопросов теории и практики коммунистического строительства.

Не надо закрывать глаза на то, что и после партийного съезда есть товарищи, которые продолжают занимать позицию осторожного выжидания. Слишком глубокие корни пустила привычка бездумно следовать столичному авторитету, слишком толпы голы чутые, достигшие степени интуиции, заменяемой инстинктом от науки способность к самостоятельному мышлению.

Понятно, что переход от комментаторства к продуктивному творчеству, даже при самом искреннем стремлении, не может осуществляться скорополным темпом. Главное, однако, в том, что экономисты, историки, философы, юристы периферии преисполнены решимости не дать ответить на реку и справедливую критику, прозвучавшую с трибуны партийного съезда в адрес работников общественных наук. Это делает крайне необходимым обстоятельный разбор и быстрейшую ликвидацию конкретных причин, которые препятствуют выходу ученых периферии на генеральные пути научного творчества.

2. Представьте себе историка, экономиста, философа, литературоведа, работающих в одном из областных центров и создающих научный труд. Не буду подробно останавливаться на том, каких усилий это стоило. Если нежелание написать хорошую работу, живя в столице, где под рукой — архивы, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, специальные библиотеки и справочные отделы, где обеспечена возможность квалифицированной консультации, авторитетного обсуждения рукописей, то создать научную работу на периферии значительно труднее.

Но вот работа все же закончена и направлена в столичное издательство. Здесь она получает наименование «самостоятельного». Ведь с автором не было договоренности, ему эти книги не заказывали, она не включена в план издательства. И чаще всего только по этой причине, даже при благоприятных отзывах, научный труд отклоняется. А если к тому же окажется, что взгляды автора не совпадают с мнением рецензента, работе вообще трудно увидеть свет.

Точно такая же картина и в журналах — специальных и литературно-художественных, где иногда печатаются научно-популярные статьи.

Непопулярному читателю, впрочем, может показаться, что такие журналы, как «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы экономики», уделяют достаточно внимания трудам периферийных ученых. Среди их авторов — немало людей, местожительство которых, указанное в скобках, подтверждает на первый взгляд такое предположение. Но, приглядевшись, вы увидите, что все статьи с периферии сконцентрированы, главным образом, во второй половине журнала, где помещаются выступления по частным вопросам. Среди авторов капитальных проблемных работ ученые периферии появляются очень и

очень редко. Так, из сотни работ по диалектическому материализму, напечатанных в журнале «Вопросы философии» в 1955 году, нет ни одной, принадлежащей перу периферийного автора, по историческому материализму — одна (из пятидесяти), по истории философии — две (из пятидесяти). В общей сложности из 113 более или менее крупных работ лишь 19 принадлежит ученым, живущим вне Москвы и Ленинграда.

Из приведенных цифр видно, как тесна горловина, сквозь которую проходят на страницы московских журналов работы, созданные нашими товарищами. Между тем именно сейчас крайне важно поднять заинтересованность столичных органов печати и издательства в трудах и статьях, создающихся на периферии. Этот интерес должен найти свое выражение в рабочих планах, в системе хорошо продуманных мероприятий, которые поведут к расширению авторского актива, обеспечат большее разнообразие тематики.

Одно время Государственное издательство юридической литературы, например, интенсивно вело такую работу: рассылало своим тематическим планам и проспектам, организовывало командировки редакторов на периферию с целью установления связи с местными авторами и т. д. Аналогичные попытки в этом направлении делались и Государственным издательством политической литературы. Но, к сожалению, хорошее начинание должным образом не развилось. Уже в 1955 году Госиздат из 33 работ, изданных в четырех редакциях, выпустил лишь 13, принадлежавших периферийным авторам. Не лучше обстоят дела и в Госполитиздате.

Теперь несколько слов о том, как издаются научные работы на местах.

Нам Воронежский университет, например, может издать в год лишь 6—8 выпусков «Трудов» общим объемом в 80 печатных листов. Для университета, где работает 260 научных сотрудников, этого, конечно, очень мало. Вообще следует признать, что по масштабам издания научных работ на периферии мы отстаем не только от довоенного уровня, но и от довоенного состояния. Чтобы не быть голословным, скажу, что до революции в Воронежском университете существовала «газета» — журнал, в котором считали «за честь» печататься не только столичные ученые, но и крупнейшие ученые зарубежных стран. До Отечественной войны при Воронежском университете было свое научное издательство, работавшее в полную силу, вполне рентабельное; оно выпускало весьма ценные научные труды. А ныне «журнал «Труды ВГУ» печатаются при Харьковском университете, где, кстати сказать, печатаются научные сборники, создаваемые учеными Ростовской, Сталинградской, Грозненской областей, Ставропольского и Краснодарского краев.

И вот, памятуя о сказанном выше, пусть читатель представит себе возросшую, против довоенных времен, в десятки, сотни раз армию преподавателей, гуманитарных наук, живущих по нашим областным городам, представляющих этих людей в деле, в учебной работе над своими книгами, статьями. Это позволяет ему до конца понять, что под выражением «засосала периферия» скрывается обстановка, прямо противоположная смыслу этих слов. Жизнь здесь обильный материал для творчества, и наши лучшие ученые стремятся углубленно осваивать его. Следовало бы, переиспользовав задачи, открытые таланты, которые сохраняют на месте творческие силы, дать им настоящий простор.

3. Как ни мало издается книг на периферии, они все-таки издываются; как ни мало выходит «Ученых записок», они все-таки выходят, хотя все это, повторяю, во много раз меньше того, что. И вот здесь мы сталкиваемся с одним совершенно нетерпимым обстоятельством. За редчайшим исключением работа, выходящая на периферию, никак не оценивается в центральной печати: весьма редко отыщете вы упоминание об «Ученых записках» какого-либо периферийного автора, хотя в них бывают помещены интересные и оригинальные работы.

Такое равнодушие к периферийным ученым не только обидно. Оно свидетельствует о забвении одной из благороднейших традиций отечественной науки, когда каждый действительно крупный ученый считал своим долгом и обязанностью поддерживать, выдвигать, ставить в центр внимания научной общественности все талантливое, умное, ценное, что создается на периферии. Разве нужно говорить о том, что эти книги и авторы, больше чем кто-либо, нуждаются в поддержке, совете, строгой и доброжелательной критике? В Воронежском университете вышла книга доцента В. Тонкова об А. Кольцове. Я не специалист и не берусь судить о ее достоинствах и недостатках, но отмечу, что это — первая монография о поэте в советском литературоведении, но она до сих пор не оценена столичной критикой. Подобных примеров можно привести множество.

Мнение о «второстепенности» периферийных научных работ весьма живуче, а между тем в них нередко разрабатываются вопросы, вообще нигде не освещенные раньше, — вопросы, решаемые на местном материале.

Насколько я могу судить, среди руководителей кафедр социально-экономических дисциплин в московских вузах и в научно-

исследовательских институтах Академии наук СССР (туда часто обращаются наши товарищи) распространена и довольно крепко держится такая точка зрения: местные темы уводят ученых в сторону от разработки крупных, проблемных вопросов. Позволю себе с этим не согласиться.

Экономист, анализирующий и обобщающий экономические процессы, происходящие сегодня в промышленности или сельском хозяйстве области, юрист, строящий свое исследование на материале местных судов, служат своей науке великую службу, ибо без накопления и осмысления конкретных фактов, взятых из живого опыта нашего строительства, невозможно дальнейшее развитие теории. Слов нет, иной раз под флагом местной темы сочиняются работы, где предприятия, колхозы области используются лишь для фона, для механической иллюстрации заранее взятого тезиса. Но ведь это — не научное исследование, а компиляторство чужестранной воды. Так в подобном и следует относиться. Но при этом надо помнить, что решение, быть может, самых острых проблем общественных наук лежит на путях проникновения, всестороннего исследования того, что В. И. Ленин называл «местным опытом».

Между прочим, представители точных, естественных наук из этого и исходят. Может, скажем, ученый нашего университета, геолог М. С. Точилин написать интересную работу о липецких железных рудах и защитить ее как докторскую диссертацию. Но даже попытки студентов-гуманитариев писать липецкие работы на местном материале неизменно встречаются иронически.

А ведь кому, как не историкам Воронежца, Липецка, Тамбова, Орла, Курска, разработать проблему, например, о южных рубежах Московского государства XIV—XVI веков, проблему весьма интересную и в настоящее время довольно туманную? Кому, как не литературоведам этих городов, заняться вопросами фольклора, центральноевропейской поэтики? А события 1917 года и гражданская война на местах, сложные перипетии классовой борьбы в первые годы советской власти, в период коллективизации? Да мало ли подобных вопросов могут решить ученые периферии!

Лишь в такой работе можно рассчитывать на успешное решение самой острой, самой больной, на мой взгляд, проблемы — проблемы дальнейшего научного роста кадров, работающих на периферии.

В 1918 году в Воронеж была переведена русская часть Дерптского университета, на базе которой и возник наш университет. Вместе с 800 студентами в город прибыли 39 профессоров. Теперь же на 4600 студентов у нас имеется всего 25 профессоров и из них лишь 4 — по гуманитарным наукам (на 1700 студентов). На всех кафедрах социально-экономического цикла нашего университета — один профессор, в Ростовском, Молотовском университетах, в Азово-Черноморском сельскохозяйственном и многих других периферийных вузах институты гуманитарных кафедр возглавляют доценты — кандидаты наук. Многие из них молодые и сами признают, что не вполне еще подготовлены для такой ответственной работы.

Именно в недостаточном опыте руководителей кафедр и рядовых преподавателей, в том, что знания, которые они со временем приобретают, далеко не всегда ложатся на крепкий фундамент, что перед студентами нередко выступают люди без своего научного лица, без своих выношенных мыслей, людей, по сути, невысокой культуры, а то и просто невежд, — именно здесь коренится основная причина низкого уровня научно-творческой работы многих гуманитарных кафедр периферийных вузов. Научной молодежи сплошь да рядом не у кого учиться настоящей культуре научного труда, и это сказывается самым печальным образом, когда вчерашний студент поднимается на вузовскую кафедру. И не ставлю своей целью объяснить все причины такого положения, могу только добавить, что, к примеру, обеспечение наших ученых-гуманитариев научной информацией, новинками иностранной литературы, микрофильмами и по сути проветривается из рук вон плохо. (На мой взгляд — это одна из существующих причин, по которым крупные специалисты не решаются покинуть Москву или Ленинград, когда мы их приглашаем).

Отсутствие реферативного журнала по гуманитарным наукам, постоянного и регулярного общения ученых, отсутствие координации действий неизбежно ведет к дублированию одних работ, замалчиванию других, необоснованному возвышению третьих.

Вряд ли стоит подробно говорить, как важно, как насущно необходимо для ученого, работающего на периферии, общение со столичными коллегами, систематический и живой обмен мнениями. К сожалению, вполне оправдавшая себя в прошлом практика временного обмена лекторами между университетами не развивается. Но это не единственный путь. Очень полезными могут оказаться совместная разработка ученых столиц и периферии наиболее актуальных проблем, привлечение наших товарищей к написанию учебников, пособий.

Следует сказать и о такой форме работы, как теоретические конференции. В технических науках существует хорошая традиция — выезд крупных ученых на периферию, межобластные и республиканские конференции ученых по различным проблемам. В гуманитарных же науках этого нет. А ведь историком, филологом, философом есть о чем поговорить, поспорить, что обсудить! Такие конференции не только позволяют наладить творческое общение между учеными, которое теперь почти совершенно отсутствует, но и помогут многим потерявшим «свой голос», «свое лицо» вновь приобрести их.

23 июля исполнилось сто лет со дня рождения Балгангадхара Тилака — видного деятеля национально-освободительного движения Индии, публициста и ученого.

Балгангадхар Тилак родился в семье, принадлежавшей к роду маратхских брахманов Читтаван, к тому времени обедневшему. Тилак получил высшее гуманитарное образование.

В восьмидесятых годах прошлого века начинается общественно-политическая деятельность Тилака. Вместе со своими друзьями он организовал среднюю школу, колледж университетского типа и Денканское просветительное общество. Исключительно большое значение в жизни Махатм Ганди — Тилак — имел и его соратники — периодические издания еженедельник «Махатма» на английском языке и газета «Кесари» на языке маратхи, в которых печатались патристические статьи Тилака. Возникновение в Индии прессы на национальных языках отражало процесс консолидации отдельных народов этой большой страны, стремление политических деятелей сблизиться с народом, говорить с ним на понятном ему языке. Журнал «Махатма», газета «Кесари» и просветительские организации сыграли важную роль в воспитании патристических чувств народных масс.

В 1885 году был основан Индийский национальный конгресс. Тилак принимал активное участие в деятельности этой организации, а также патристического общества «Сарваджанни сабха». Он выступал сторонником решительной борьбы против английского господства в Индии.

В конце XIX века в обстановке усилившегося недовольства и возмущения в стране английским колониальным режимом Тилак выступал в печати и устно с призывами активно противодействовать политике английских колонизаторов. В 1897 году Тилак был арестован и заключен в 18-месячному тюремному заключению. Эти действия колониальных властей вызвали широкий протест в стране и за ее пределами. В результате Тилак был досрочно освобожден из тюрьмы.

В годы подъема национально-освободительного движения (1905—1908) быстро росли популярность и влияние демократических элементов, которые наиболее полно выражали потребности независимого развития страны. В эти годы Тилак становится признанным вождем демократического направления освободительного движения Индии.

На очередном съезде Национального конгресса в декабре 1907 года произошел раскол. Сторонники Тилака, настаивавшие на расширении борьбы и выступавшие за разрыв с английскими элементами, были изгнаны из Национального конгресса. Тилак считал, что совершившийся раскол ослабляет национальное движение и вызывает сомнение по этому поводу. «... В 1907 году произошло столкновение, — пишет Джавахарлал Неру в своей книге «Строительство Индии», — внешне закончившееся победой старых, умеренных элементов. Но эта победа была одержана только с помощью организационного аппарата и ввиду ограниченного в те времена состава участников Конгресса. Не подлежало сомнению, что огромное большинство политически сознательных людей в Индии поддерживали Тилака и его группу».

В 1908 году колониальные власти бросили Тилака в тюрьму, обвинив его в подготовке инсургенции существующей власти. На суде Тилак с гордостью заявил, что с первых дней своей деятельности он неизменно защищал дело народа. Суд приговорил Тилака к шести годам каторжных работ. В ответ на этот приговор в Бомбее прокатилась волна демонстраций протеста. Бомбейский пролетариат объявил всеобщую политическую стачку, длившуюся шесть дней. В результате в приговоре, требующем освобождения Тилака, пришлось внести поправки. Тилак был освобожден из тюрьмы, но и замечательным мыслителем и ученым. Его перу принадлежат ряд научных работ, в частности, монография «Бахавадги» — выдающемуся творению философской мысли древней Индии. Всемирной известностью пользуется книга Тилака, посвященная проблеме исторической давности Вед.

Столетие со дня рождения Тилака отмечает независимая Индия, освободившаяся от английского колониального господства, великая Индия, какой ее хотел видеть Тилак и за которую он боролся. Отмечают эту знаменательную дату и все друзья Индии.

Л. ГАМАЮНОВ

Джованни Мелиоре и его семья

Рано утром рыбаки артели «9 мая» готовятся к выходу в море. На палубе судна «РБ-2019» разбегается трап невысокого черноволосый человек в голубом свитере. Его окликнул соседний катер по имени «Океан» — звучит необычно на латвийском берегу.

— Здравствуй, Джованни! И человек приветливо машет рукой.

Итальянский рыбак Джованни Мелиоре во время второй мировой войны был отправлен на принудительные работы в Гамбург, затем в Ганновер и в Бремен. Там неожиданно пришла к молодому Джованни любовь.

Он женился на советской гражданке Ирине Никифоровой, уроженке Латвии, насильственно угнанной гитлеровцами. После войны молодая жена решила уехать на родину Ирины. Этому воспрепятствовали американские власти — супруги смогли вернуться лишь на родину мужа, в Италию.

Потянулись годы, полные лишений, суровой борьбы за кусок хлеба. Долго Джованни бивал покорял различные учреждения, пока получил разрешение выехать в Советский Союз.

Джованни сразу получил в СССР работу на торфоразработке. Но ему хотелось вернуться на море, к привычному труду рыбака. Вскоре правление колхоза «9 мая», узнав о желании Мелиоре, предложило ему поступить в артель. Ему предоставили квартиру, обставили ее мебелью, выдали денежный аванс.

Я был на днях в гостях у Джованни. Мы сидели в светлой комнате, за окном которой шумел соновый бор. Здесь, в артели для рыбаков, строит дома городское жилищно-коммунальное хозяйство. На стене висела фотография, изображающая былое жилище Джованни в Италии — сложное из больших камней, с дырами вместо окон; за эту «квартиру» ему приходилось платить три тысячи лир в месяц.

Конечно, страшнее всего приходилось в дни безработицы. Однажды Джованни, доведенный до отчаяния безработицей, ударил издававшегося над ним чиновника биржи труда и на три месяца угодил в тюрьму.

Много таких горьких воспоминаний у Мелиоре. К

Р. ТРОФИМОВ, корреспондент «Литературной газеты»

На снимке: Джованни в кругу своей семьи. Слева стоит Ирина Никифорова с дочкой Зоей на руках, сын Иван, Орест, Дима и Алик (справа). Вот только Марко куда-то ушел.

Фото Н. Титенкова

«МОЙ ШТАТ»

Илья ЗВЕРЕВ

«Хозяин не велел отлучаться». «Мне в восемь ехать на базар с хозяйской тещей». «К вам зайдет мой человек». «Приходите вашу Надю».

Это не цитаты из пьес Островского. Это слышались порой на заводах и стройках, в учреждениях и институтах. Так иногда говорят люди, состоящие на государственной службе, о других людях, тоже состоящих на государственной службе.

Что это — языковой атизм или просто неумение сказывать фразы? Да нет, дело тут посерьезнее. Достоин и размышлений и большого разговора характер взаимоотношений некоторых наших товарищей — начальников и подчиненных.

Начать надо с мелочей, отвратительных, но — увы! — привычных.

Кому не знакома такая картина. Инженер, вызванный в кабинет директора, полчаса стоит «свечой» перед его столом. Сестра не приглашает. Может быть, хозяйка кабинета просто невоспитанный человек и не поддается это сделать? Нет, посто-янно посетителем любезно предлагается стул. А инженер — свой, подчиненный...

Начальник угольного комбината, разговаривая по телефону с руководителями подведомственных предприятий, каждому из них говорит «ты». Может быть, по дружбе? Отнюдь нет. Он бы удивился и оскорбился, если б встретил взаимную фамильярность...

Вот что пишет в редакцию тов. И. Му-дович:

«У нас в строительном управлении есть бригады машинистков тов. Х., молодой человек, прекрасный работник. Бригада его выполняет по две нормы. Но стоит с этим человеком поговорить нетактично, грубо, и у него все начинает валиться из рук».

Это понятно: в наших людях воспитано чувство большого человеческого достоинства. Кажется, «мелочью», но наши рабочие и служащие очень чувствительны к таким «мелочам», например, если с ними не здороваются...

Это, так сказать, внешние проявления. Но за ними стоят прочно сложившиеся у некоторых людей убежденность в неравенстве начальника и подчиненного. Чаще всего пол не поддается и «теоретический фундамент»: так, мол, необходимо — не форсить ради, а только для пользы дела: чтоб чувствовали дистанцию! И вот постепенно начальнику начинает казаться, что его подчиненные и на самом деле его люди, которых он волен судить и миловать. Отсюда и начинаются иногда жесткий произвол, забвение элементарных законов нашей морали, равно обязательных и для рядовых и для ответственных работников.

Нарочные суды и профсоюзные организации рассматривают тысячи дел о незаконном увольнении. Некоторые руководители без каких-либо оснований увольняют или «перевосстанавливают на низовую» работников только потому, что они негодны им. Одни из потерпевших молчат, повинувшись старшему скверному праву — «сильным не борись», другие — подают в суд и возвращаются на работу, получив вознаграждение за вынужденный прогул (чаще всего — за государственный счет, куда режет — из директорского кармана).

В. И. Ленин требовал больше внимания к «той будничной стороне внутри-фабричной, внутридеревенской, внутрипоселенческой жизни, где всего больше стоит новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного...». Вот именно: огласка, общественная критика, травля негодного, чуждое нам! Ведь далеко не все случаи административной расправы с негодными работниками выносятся на суд общественности, служат предметом разговора на партийном или профсоюзном собрании, влекут наказание виновных.

Недавно мне пришлось побывать на собрании рабочих — строителей шахты (Западной Украины).

Сторопли «всем миром навалились» на своего руководителя — начальника строи-

управления Фомина, грубияна и самоуправца. Тут при всем народе ему напомнили много: и «не рассуждай — выйдй вон из кабинета», и «не хочешь работать у меня — увольняйся», и «мое слово — закон», «мой штат»... Неважно выглядел здесь, на рабочем собрании, всегда громко-голосый и самоуверенный начальник...

Все начинается обычно с «невинных» проявлений барства, на которые мы часто и внимания не обращаем.

Несколько лет назад был освобожден от должности и направлен в Москву на учебу один из видных наших железнодорожных генералов. Он начал свою «студенческую жизнь» в персональном салоне-вагоне, в котором прибыл в Москву, сопровождаемый помощником — инженер-капитаном и двумя проводниками (кухаркой и уборщицей). И спросил его: как он — в недавнем прошлом рабочий человек, паровозный машинист — мог решиться на такое? Генерал пожал плечами: «А что? Раз положено...».

Давний этот случай, конечно, исключительный. Но вот такая бездумная уверенность («мое люди, мне положено») встречается и сейчас отнюдь не редко.

Конечно, без дела не от существования тех или других должностей, и чистейшей демагогией было бы требование уважения вообще секретарей, шоферов персональных машин, помощников, консультантов, референтов и т. д. Беда в другом — в неправильном понимании некоторыми руководителями своих прав. Надо точно определить нужды для дела круг обязанностей каждого работника, надо всегда свято уважать его достоинство — вот о чем идет речь.

Секретарь директора вовсе не обязан выполнять поручения директорской супруги. Шофер фабрики вовсе не обязан возить своего начальника на рыбалку, фотоаппарат не должен проявлять и печатать снимки для семейного альбома своего заведующего, а радиотехник — чинить телевизор у знакомых начальства.

Если сам начальник «не догадывается», что личный телевизор он, как и любой другой гражданин, должен чинить в артели; что проявлять фотоаппарату, принимавшей побойные заказы; что на рыбалку можно поехать на электричке или в такси (если уж он так любит быструю езду), — то ему надо об этом напомнить.

Владимир Ильич Ленин показывал пример истинной личной скромности. В воспоминаниях его близких, рассказавших, что рабочий машинист, должен чинить в артели; что проявлять фотоаппарату, принимавшей побойные заказы; что на рыбалку можно поехать на электричке или в такси (если уж он так любит быструю езду), — то ему надо об этом напомнить.

Илья эдлин на заводе без свиты. А посмотрите, как приезжает на подведомственные предприятия иной начальник. Целевые работники по многолюдности свиты определяют ранг гостя. А разве не легче выкинуть в дела, поговорить по душам с людьми без «парадной свиты»?

Илья сам писал свои доклады и статьи. А сегодня иной, директор или управляющий трестом полагает зазорным для себя такое занятие. Он это поручает людям, состоящим «при нем».

На XX съезде КПСС весьма резко говорилось о «персональных» машинах, получивших довольно широкое распространение. Правительство приняло специальное постановление, ограничивающее этот род автотранспорта, столь обременительный для государства.

И дело тут не только в «персональных» машинах, но и в «персональных» шоферах. Проходите и сегодня в разгар трудового дня по большому столичному городу, загляните в межминистерские тупики и закоулки, где разрешена стоянка авто-

машин. Вы увидите: на мягких подушках автомобилей сидят, а чаще лежат шоферы. Одни

спят, подложив кепку под щеку, другие читают, третьи беседуют с коллегами. Шофер метростроевского грузовичка, с которым мы как-то проезжали мимо такой стоянки, назвал тамошних завсегдатаев:

— Наши полубезработные.

К сожалению, это определение точно (не в смысле окая — окая идет полный, а в смысле работы). Разок съездит такой шофер с «хозяином» — ответит его в министерство, разок съездит с его супругой в «ателье мод», потом привезет домой — вот и весь рабочий день.

К сожалению, — и об этом надо говорить сейчас — в некоторых учреждениях упразднение «персональных» машин вылилось в мероприятие чисто формальное. Машина, считавшаяся прежде закрепленной за Петром Ивановичем, теперь называется «разгонной», «дежурной», «оперативной», но ездит на ней все тот же Петр Иванович...

Хорошо, что сейчас число «персональных» шоферов сокращается. Но это еще не значит, что вопрос о «персональных» работниках вообще может быть снят с повестки дня. Напротив, сегодня стоит повнимательней приглядеться: не слишком ли много у нас секретарш, помощников, референтов и т. п.

Очень любят некоторые ответственные работники иметь свой, так сказать, личный штат. Ради этого почас итут на прямой обман, на полог.

В туле мне рассказали весьма любопытные вещи. Управление трамвая города Тулы незаконно содержит для своего начальника тов. Скаргина «персонального» шофера, который по ведомости числится лесарем. Артель «Детский вересичек», не желая отставать от «больших», обязалась секретарем-машинисткой, которую председатель тов. Соломатин принял на штатную должность браковщицы.

Расширение прав директоров — одно из важных и прогрессивных мероприятий последнего времени. Но думать, что с этим, естественно, должно быть связано и расширение прав коллектива, его общественных организаций. Общественность должна знать, нам пользуются директоры своими широкими правами, и бороться с любым самоуправством и превышением власти.

Новотульский металлургический завод (директор тов. Грицун) прежде превосходно обходился без четырех копилочных секретарш. А едва расширил права — попросил именно четырех, словно нет у завода более острого производственных потребностей. Московский завод малолитражных автомобилей, где директором тов. Иванов, пожелал иметь вместо семи секретарей-машинисток восемь, вместо четырех секретарей дирекции — пять, вместо одного помощника директора — двоих.

Важно и плодотворно труд секретаря, но только так, где он нужен. А сколько у нас, так сказать, «декабристских» секретарш, учрежденных потому, что главному инженеру не хочется отстать от директора, а начальники отделов — от главного инженера. Сколько таких штатных и сверхштатных девок скачут в приемных, беседуют по телефону с подружками, читают, вывешивают на полочки лишь стола.

Суммы, которые тратятся на содержание таких, по сути бесполезных людей, велики. Но главный, самый тяжкий ущерб, наносимый практикой персонального закрепления работников и начальническим самоуправством, — не материальный, а моральный. Именно безаказность отдельных самодуров создала у многих рядовых людей неуверенность в своих силах, в безбедности своих прав.

Борьба за широкое развитие ленинских демократических принципов невозможна без активного участия всей общественности. Только всеобщая непримиримость к нарушениям демократических норм нашей советской жизни принесет нужные результаты. Мы должны выступать против этих нарушений в большом и малом, выступать по-ленински: с оглаской, общественной критикой, травлей негодного.

Река Ангара. Здесь будет Братская гидроэлектростанция.

Фото М. Калихмана

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«Что такое клуб?»

Перед нами письмо тов. Сафоновой (Москва). «Куда пойти после работы в свободные 2—3 часа? — спрашивает она. — Куда пойти с сыном, с дочерью или с мужем? Думается, что таким местом должен стать клуб».

Почему же в наши клубы молодежь ходит лишь посмотреть кинофильм да потанцевать? Почему редко бывают в клубах пожилые люди, а еще реже ходят целой семьей? Все эти вопросы резонно задают читатели, откликнувшиеся на статью Н. Четуновой «Что такое клуб?», опубликованную в «Литературной газете» 5 июня 1956 года.

Большинство читателей, приславших письма на эту тему, решительно поддерживают предложение автора статьи: нужно сделать так, чтобы клубы стали подлинно общественными общественными организациями.

«Хозяевами клуба должны быть рабочие, колхозники, интеллигенция», — пишет А. Дорощев (Новосибирск). «Клубы нам нужны! Но нужны они не как коммерческие учреждения, а как боевые очаги передовой социалистической культуры, как средоточие общественной мысли, коллективного мнения, школы гражданственности».

В нашей стране 127 тысяч клубов и домов культуры. Они призваны стать подлинными опорными базами партийных организаций в массово-политической и культурно-просветительной работе. Какую увлекательную, кипучую, полезную и интересную работу можно здесь проводить? «Творческую жизнь в клубе», — замечает В. Рославль (Ярославль), — может создать лишь организованная при нем и заинтересованная в нем широкая общественность. Странно было бы опасаться каких-либо искривлений при общественном руководстве, когда советский строй настолько укоренился, что нет хоть сколько-нибудь развитого человека, у которого этот строй, эта жизнь на социалистических началах вошла бы в душу, в сознание. Напротив, в клубах, где нет такого общественного хозяина, где культурно-просветительными учреждениями руководят не те, для кого они созданы, — там и происходит превращение клуба в захудалый кинотеатр или безудержную танцальню...».

Н. Шибанов (Камышин), А. Нехорош (Алма-Ата), — что пора перестать смотреть на клубы как на коммерческие предприятия, надо дать возможность рабочим и служащим самим строить планы культурно-просветительной работы, с учетом их запросов и, самое главное, с максимальным участием их во всей работе клубах.

«Нам кажется», — пишет П. Ковалев (Алма-Ата), — что пора перестать смотреть на клубы как на коммерческие предприятия, надо дать возможность рабочим и служащим самим строить планы культурно-просветительной работы, с учетом их запросов и, самое главное, с максимальным участием их во всей работе клубах.

Авторы писем высказывают конкретные предложения, направленные на оживление клубной работы. Так, К. Фурьев (Волгода) считает, что пора сельские учреждения культуры передать на балансы колхозов.

Г. Черник (Вишигно, Читинская обл.), А. Косов (ст. Ржаница, Брянская обл.) предлагают пересмотреть устав и структуру клуба. «Нужно передать дело отдыха граждан в руки самих граждан», — замечает Г. Черник. А. Косов пишет: «Устав должен исходить из того, что клуб — общественная организация, в которой вся работа строится на самодеятельности широких масс». Многие читатели считают необходимым ввести членство в клубы. Это поможет организовать клубную работу на более демократических началах.

Не все читатели, откликнувшиеся на статью «Что такое клуб?», разделяют точку зрения ее автора. Наибольшее возражение вызывает та часть статьи, где говорится о том, что следует упразднить штатную должность заведующего клубом, а все руководство клубом передать в руки правления. Так, К. Воронов (Молдавская ССР) считает, что во главе клуба непременно должен стоять заведующий. Ему помогут совет клуба, актив, на которых он и должен опираться. «Если актив нет, то заведующий успешно проводить работу не может», — продолжает К. Воронов. — Следовательно, вина за плохую работу клубов лежит не на заведующем, а на местной интеллигенции, партийной и комсомольской организациях, которые должны считать культурно-просветительную работу своим крестным делом».

По мнению М. Сыркиной (Ленинград), аннулирование «штатную единицу» нельзя. «Я согласна с тем, что заведующим не должен скрываться инициативу масс: без народа он ничего не сделает. Но, несомненно, заведующий с образованием, а тем более со специальным, лучше, чем любитель... Тов. Четунова пишет, что в некоторых клубах работают люди без образования, но с душой. А почему же не может работать так же хорошо и заведующим со специальным образованием? В этом году я кончаю культпросветшколу и не думаю, что буду в клубе только «штатной единицей».

П. Бронюцкий (Куйбышевская обл.) справедливо полагает, что во главе правления клуба должен стоять политически грамотный человек, знакомый с искусством, хорошо разбирающийся в художественной самодеятельности. В связи с этим заслуживает внимания предложение многих читателей увеличить ставку заведующему клубом.

Недавно состоялся пятый пленум ВЦСПС, на котором и докладчик секретаря ВЦСПС П. Коробова и многие из выступавших в прениях признали, что «Положение о работе профсоюзных клубов» устарело, что его следует пересмотреть.

Выступая на заседании коллегии Министерства культуры СССР, министр Н. Михайлов отметил, что хозяином клуба должен быть совет или правление, работу которых должны обсуждать на общих собраниях трудящихся. Назрела необходимость подумать о членстве в клубах.

Надо полагать, что это скоро будет осуществлено. Наши клубы должны стать подлинно общественными организациями. Значительной перестройки клубного дела, дальнейшей его демократизации требует сама жизнь.

ОБЛИК ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА

Бывает так, что подлинное творческое и гражданское лицо писателя остается долгое время нераскрытым вполне. Более того, иногда пишут биографии, основанные на неверных или ложно истолкованных фактах. Это было на протяжении почти целого столетия в литературе о выдающемся поэте-декабристе Кондратии Федоровиче Рылеве.

Завтра исполняется 130 лет со дня казни декабристов. Советские исследователи немало сделали, чтобы снять — как второй слой краски со старой ценнейшей картины — всю позднейшую «записку» с истинного облика поэта-гражданина, опровергнув все домыслы о «штатных» Рылеве, его «имене» делу декабристов и т. д. Этому помогли те документы, которые сохранились во многих наших архивах.

За последние два года стало известно о нем много интересного о Рылеве. Поэт-романтик, умнейший и образованный человек своего времени, пламенный трибун и один из руководителей революционного движения — декабрист — все эти черты Рылева полнее и глубже раскрываются в тех новых публикациях, которые есть в «декабристском» пятнадцатом де-вятом — томе «Литературного наследства».

Здесь опубликована первая редакция предисловия, написанного самим поэтом к отдельному изданию его «Дум». В этом предисловии в печати тогда не появились, ибо самой неприкрытой ненавистью к «тиранам» и «деспотизму» дышат его строки. Среди новых текстов Рылева мы можем познакомиться и с первыми — дошедшими — вариантами многих его дум, где революционная их направленность выступает в незауваженной форме.

Интересно сообщение о неосуществленном замысле Рылева — он хотел написать историческую трагедию «Хмельницкий». До нас дошло только начало — пролог к этой трагедии, написанный прекрасным, простым и выразительным языком. Материалы нежданной переписки К. Рылева и воспоминания о нем проливают новый свет на некоторые эпизоды его жизни.

«Рылев на следствии» — в этом большом разделе публикуется запись ответов поэта на вопросы следователя, показания свидетелей. Впервые представленные вниманию широкой научной общественности документы много добавляют к сложившемуся представлению о Рылеве как главе Тайного общества декабристов. Видно также, насколько популярны были революционные стихи его в народе — это было одним из главных пунктов обвинения.

Документы «Литературного наследства», посвященные Рылеву, углубляют наше представление о декабристской литературе, помогут лучше изучить проблемы первого этапа революционного движения в России.

ПЕРВЫЙ ТОМ «РУССКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО СЛОВАРЯ»

Институт литературы и языка имени Низами Академии наук Азербайджана выпустил первую книгу двухтомного «Русско-азербайджанского словаря». Он содержит 38 тысяч слов. Все издание рассчитано на 80—85 тысяч слов.

Словарь представляет собой результат многолетней работы коллектива азербайджанских ученых-языковедов.

Эстетическая чуткость и острота анализа

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Быть может, слабые стороны, недостатки и патология нашего литературоведения ни в одной области не сказались с такой рельефностью, как в вопросе о Достоевском. В военные годы произведения великого писателя нередко получали одностороннее и неверное истолкование. Конечно, многие образы Достоевского с трагической силой передают невыносимость существования под игом эксплуатации, стремление русских людей к иной, справедливой жизни. Но ряд высказываний автора «Дневника писателя» о России носит националистический характер. Между тем они «аппарировались» таким образом, что их реакционные тенденции оказывались затупленными.

Зато позднее — в этом проявились и последствия культа личности в области идеологии — под влиянием некоторых «установок», поверженных к тому же рынком «заострению», стали вовсе зачеркиваться демократические, гуманистические стороны творчества автора «Белых и черных».

Потому в дни, когда наша страна и весь мир чтит память Достоевского, задача научного освещения его творчества приобретает важное и актуальное значение. Среди последних работ о Достоевском особое место занимает книга В. Еримова, в которой проблема Достоевского поставлена наиболее широко и обобщенно. Автор сумел исправить в ней ошибки, допущенные в свое время нашей литературной наукой и, в частности, им самим.

Одна из ценных и отличительных особенностей работ В. Еримова заключается в том, что, говоря и о современном писателе и о классике XIX века, автор вызывает

у читателя живое эстетическое переживание. Художественные образы прошлого выступают здесь как нечто, про-должающее свою жизнь в нашем сознании, рождают сочувственный отклик, а порой и настоятельную и отпор.

Герцен в одном письме к сыну писал о классических художественных творениях, о тех «нескольких книгах, без которых человек не есть полный человек»: «Чтение человека переживает века, не так, как в науке, где он берет последний оцифрованный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги».

Конечно, литературовед или критик не вправе быть только таким «попутчиком» художника. Но очень хорошо, если анализ творческого дара он сочетает со свежестью восприятия явлений искусства и умеет переживать вместе с читателем и ярко выразить словом эти свои чувства, верно направляя вместе с тем критическую мысль своей аудитории. Это и удается В. Еримову, и этим, думается, он в первую очередь и завоевал внимание широких читательских кругов.

С этой точки зрения книга о Достоевском обладает серьезными достоинствами. В ней критик идет рука об руку с историком, литературовед — с публицистом. Особенно хочется отметить — этого не было в работе В. Еримова о Гоголе — конкретность, с которой здесь обрисован исторический фон. Достигнуто это не путем нагромождения цифр, цитат и социологических формул, а благодаря тому, что автор создает живое, конкретно-историческое представление об эпохе и тех социальных типах и характерах, к которым прежде всего обращен художественный взор Достоевского.

В вводной главе В. Еримов следующим образом характеризует человека, от имени которого говорил Достоевский: «Малень-

кий чиновник; захудалый дворянин, брошенный в капиталистический водоворот и терпящий все бедствия деклассации; разномыслие, интеллигент и полунинтелигент, оторванный от жизни народа, от передовой разночинной демократической интеллигенции и от того процесса трудовой выработки передовых общественных идеалов, ценою которого Россия, по словам Ленина, «выстрадала марксизм»; вчерашний «патриархальный» помещик, стоящий на грани люмпентства; человек, одиноко ютящийся в каморках, похожих на шкафы, или сундуках, или гроб, в сумрачных закоулках городских трущоб, где «фонари мелькают, точно факелы на похоронах»...».

Правильно понимая общественные и идеологические истоки, питавшие творчество писателя, В. Еримов характеризует его социально-политическую позицию, его двойственность, его величие и слабость.

Коренная тема творчества Достоевского — это тема распада старых, авторитарных социальных и моральных норм и скреп в переходную эпоху, страх перед буржуазным аморализмом и цинизмом, перед низменностью, звериным эгоизмом буржуазного человека». Эта тема, неразрывно связанная с изображением кипения человеческих страстей в собственническом помещичьей буржуазном обществе, под властью денег, и прослеживается в течение всего исследования. Особенно большое внимание уделено ей при рассмотрении «Зимних заметок о летних впечатлениях», «Преступления и наказания», «Идиота», «Подражания».

Однако особая трудность исследования творчества Достоевского заключается в том, что объективный смысл созданных им образов часто вступает в противоречие с тем субъективным их истолкованием, которое писатель предлагает своему читателю. На глазах у последнего происходит тогда странное смещение очертаний и красок. Неголование и возмущение Достоевского против буржуазности и барства как бы изменяют своему направлению. В иной тому — страх перед революцией и связанные с этим надежды на царизм и религию.

Но как эти тенденции влияют на сложную внутреннюю логику живых художественных образов? В. Еримов остроумно определяет «секрет» этой противоречивости образов Достоевского, как «путаницу социальных адресов»: «Фактически

изображая различных помещичьих и буржуазных моральных нигилистов, социальных отщепенцев, Достоевский стремился, однако, представить их «нигилистам» в том политическом смысле, какой был придан этому слову в связи с образом тургеневского Базарова».

Автор рассматриваемой книги сумел показать, как реакционные тенденции превратились в живые художественные образы, изменили их очертания, сместили пропорции, добавляли чужеродные примеси к художественным краскам. В главе, посвященной «Идиоту», — одной из лучших в книге, — раскрыто, как страстно и противостоебно здесь сочетаются «два романа в одном романе», «из которых первый — истинно художественный, представляющий собою социальную трагедию», трагедию Настасьи Филипповны, а второй — «антихудожественный, фальшивый «антиинициальный» памфлет», в центре которого стоят Бурдовский, Ипполит и другие. «Их вторжение и переносило весь роман, искривило все его образы до неузнаваемости».

В разборе «Идиота» отчетливо проявляется то сочетание эмоциональности и аналитичности, которое характеризует собою стиль В. Еримова. Наш автор увлеченно следит за развитием темы Настасьи Филипповны, как темы «красоты поруганной, вымышленной, оскверненной» эксплуататорским обществом, и он же умеет предостеречь читателя, когда писатель, рисуя Бурдовского и ему подобных, тяжело опускается и кидает неверный свет даже на одну из любимейших героинь своих.

Рассматривая образы, созданные Достоевским, В. Еримов справился с поставленной задачей — проследить «противоречия творчества в неразрывной связи мировоззрения писателя с конкретной художественной тканью его произведений». Однако в этом анализе незначительную роль играет элемент сопоставлений художественных принципов и стилей Достоевского с методом и стилем других великих писателей, его современников. Поэтому некоторые определения оказываются неточными и порой, как мне кажется, и неверными, поскольку в них не получило достаточного отражения неповторимое своеобразие тех эстетических принципов, которые в творчестве Достоевского оказались осуществленными.

Так, например, вызывают возражения следующие замечания автора, касающиеся образа Настасьи Филипповны: «Художнику, вдохновленному живую любовью к прекрасной женщине, возникшей в его творческом воображении, удалось воплотить ее образ с той пластичностью, живостью, когда мы видим все жесты, походку, глаза, лоб, брови, улыбку, всю смену выражений лица восхитительной женщины, умницы, талантливой, изысканной, красивой и по внешнему и по внутреннему облику...».

Пластичность, то есть физическая законность образа, дарящая внутреннюю жизнь через внешний облик, была характерной чертой творчества Толстого, Тургенева, Гончарова, которые, по словам А. М. Горького, «писали пластически». Но едва ли это можно сказать о Достоевском. Достаточно сопоставить Анну Каренину, героиню «Первой любви», Веру из «Обрыва» с героинями Достоевского для того, чтобы усомниться в этом. Фигуры последних лишены такой ясной определенности и рельефности, да и сам их создатель подобную цель едва ли преследовал. Когда всматриваешься в эти образы, то кажется, что луч художнического прозрения выхватывает из темноты, изнутри лишь какие-то отдельные черты человека. Не случайно в «Идиоте» не раз упоминается о «необыкновенной» красоте Настасьи Филипповны; пренебрегая законностью портрета, писатель прежде всего стремится сказать о том, какое сложное, странное и потрясающее чувство вызывает выражение этого лица, эти глаза.

Может показаться, что рецензент «придирается» здесь к чему-то второстепенному, всего лишь к безгуманному замечанию о «пластичности». Но пример этот должен подчеркнуть, как важно конкретное выделение художественных принципов, лежащих в основе создания писателем образа человека.

В. Еримов не ставил своей задачей освещение всех произведений Достоевского, но он остановился на всех наиболее значительных из них. Однако если логика развития творчества Достоевского в 40—60-х годах прослежена отчетливо, то этого нельзя сказать о 70-х годах. Главы о «Бесах», «Подражании» и «Братьях Карамазовых» такой крепкой внутренней связью не обладают. Что же касается последнего

романа, то оценка его мне представляется по многим спорной. Наш автор причисляет «Братьев Карамазовых» вместе с «Записками из подполья» и «Бесами» к «наиболее тенденциозным произведениям Достоевского». Конечно, реакционная тенденция в «Братьях Карамазовых» очень сильна, но ведь здесь, в отличие от «Бесов», она под напором реализма торпид жестокие поражения, хотя в эпизоде вновь поднимает голову. Поэтому странно звучит определение этого романа как «церковнического», ибо церковническая тенденция не стала его сутью и доминантой. Сам же В. Еримов рассматривает главу «Бунт» как «одно из неопровержимых свидетельств того, что ничем нельзя заглушить совесть человечества и — совесть русской литературы».

Между тем известная предвзятость по отношению к этому произведению ведет к принижению некоторых интереснейших персонажей его. Так, Грушенька трактуется всего лишь как «скушая, ловкая, бойкая мешаночка». При этом не принимается во внимание тот свойственный пореформенной эпохе рост чувства личности, который по своему наложил отпечаток и на героиню «Братьев Карамазовых», что имеет немалое значение для понимания взаимоотношений «низкой» Грушеньки и «барышни» Катерины Ивановны.

Недооценивается также широта жизненного охвата этого романа, в значительной мере итоговый для Достоевского. В этой связи хочется отметить, что книга В. Еримова, сумев передать богатство душевных движений, мыслей, характеров, типов и картин в творчестве Достоевского, обобщила ряд образов, связанных с язвительной, злой критикой русского дворянского и буржуазного либерализма, — Степана Трофимовича, Ракинина, Фетиковича.

Можно было бы еще многое сказать о сильных сторонах нашего труда В. Еримова, а также по некоторым вопросам поспорить с ним. Но выводы из сказанного выше ясны и так: эта книга помогает читать Достоевского сегодня, ценить скорбную жизненную правду и страстный протест его творчества и отделять их от всех тех элементов и наслений, в которых выразилось подчинение писателя нормам и предрассудкам старого общества. Поэтому книга эта — действительный участник духовной жизни советских людей.

ТРИ дня, с 19 по 21 июля, работал расширенный президиум Союза писателей СССР.

Собравшиеся минутами молчаливо почтили память Александра Фадеева и Самеда Вургуня. Президиум обсудил состояние работы издательства «Советский писатель» над писательской рукописью и организационные вопросы. Президиум принял в члены Союза писателей большую группу литераторов.

Мы поворачиваемся еще медленно

— Сейчас, очевидно, нет в нашей стране ни одного трудового коллектива, который не обдумывал бы глубоко и всесторонне всю свою деятельность, который не искал бы напористо и страстно путей и средств для ее улучшения, — начал свой доклад главный редактор издательства «Советский писатель» Н. Лесючевский. — Люди свежими глазами смотрят на пройденный путь для того, чтобы яснее увидеть достигнутое, чтобы по-новому осознать недостатки и устранить их, для того, чтобы с беспощадной правдивостью отдать себе отчет в допущенных ошибках, которые больше не должны повторяться.

Не представляет исключения и коллектив работников издательства «Советский писатель». Очень многим наш коллектив не удовлетворяет в своей работе. Назрела необходимость отказаться от ряда привычных представлений, смелее вводить новое.

Кое-что мы тут делаем, кое-какие шаги предпринимаем. Но надо прямо сказать, что делаем мы и поворачиваемся еще медленно. Медлит и наше непосредственное руководство — секретариат Союза писателей, от которого пока исходят преимущественно весьма расплывчатые благие пожелания.

Решения XX съезда КПСС и обстановка в стране после съезда должны вызвать резкий, этапный значительный подъем нашей литературы, усиление ее боевистости. Признаки этого подъема мы ощущаем в творческой устремленности писателей, в кипении их мысли, в проявлении по-новому их душевных сил. Вечески способствовать такому подъему — в этом смысле деятельности Союза писателей, всех его органов и, в частности, издательства «Советский писатель».

Издательство — один из решающих факторов воздействия на литературный процесс. Здесь, где рожается рукопись, где произведение приобретает тот окончательный вид, в котором оно появляется перед читателем, именно здесь в значительной степени осуществляется литературная политика, практически действуют идейные и художественные критерии.

Тяжелый путь рукописи

Многое из того, о чем говорил в своем докладе Н. Лесючевский, было затем затронуто и в докладе О. Черного, сообщившего о результатах проверки деятельности издательства общественной комиссией писателей. Но представления писательской общественности судя по недостаткам гораздо более определенно и резко.

Один из московских прозаиков, отвечая на вопрос о том, как проходили его книги в издательстве, сказал: «Первоначальник Иван Федоров печатал книги быстрее, чем есть у кого учиться». И ту долю истины, которая есть в этой шутке, докладчик подтвердил фактами, которые никак не могут вызвать веселья.

В среднем от 12 до 22 месяцев уходит на прохождение рукописей по всем этапам производства, из них лишь 20—25 процентов времени рукопись, условно говоря, находится в состоянии активного движения в редакции, а 75—80 процентов — в состоянии пассивного ожидания. Это серьезно замедляет процесс развития литературы — трудно сесть за новую работу, когда твою рукопись перекачивает из одной комнаты издательства в другую.

О. Черный говорит об утвердившейся в издательстве системе рецензирования, когда многочисленные отзывы служат не для выяснения истины, а для перестраховки, о парадигме в этом важном деле формализма, о подвизающихся порой в качестве рецензентов недобросовестных и некомпетентных людях. «Дорогой друг», — обращались к автору, — согласны вы или нет с нашими замечаниями? А часто это были взаимоисключающие друг друга замечания рецензентов. И автор, исходя даже не из малодушия, а просто из естественного желания выпустить книгу, говорил: «Я не совсем согласен, но в общем буду дорабатывать...». Издательство же приходило к отчаянному выводу, что с писателем проведена полезная работа.

Так произведения литературы довольно часто нивелировались и утрачивали своеобразие. Этот «принцип» вежливости, но утилитарного нажима на автора все еще действует. Книжки оригинальные пробиваются труднее, чем книги посредственной, безликой. Но случайно главный редактор издательства смог привести лишь два примера издательской смелости, да и то касающиеся еще не вышедших книг.

Принцип — чем меньше выпускается произведений, тем выше их художественный уровень, их качество — полностью и особенно наглядно дискредитировал себя в кино. Этот принцип иногда действовал и в издательской практике, являясь одним из печальных заблуждений.

До сих пор издательство многого боится, еще больше остергается и смелость, как форму деятельности, не практикует. Разве мы не знаем случаев, когда в результате редакционной «обработки» произведения делались невыразительными, утрачивали остроту? А писатель, выпустив книгу, остается один на один с читателем. Массовый читатель судит автора, не считаясь с тем, какой рецензент и какой редактор что рекомендовали и что требовали от писателя. Догматическая эстетика и нормативное мышление приводили к печальным анекдотам. Несколько лет назад один серьезный редактор, читая какой-то абзац в книге, касавшейся нашего отступления под Москвой, задумался и сказал автору: «А было ли это отступление? Надо будет выяснить».

Если говорить прямо, писатели в писательском издательстве чувствуют себя скорее проститутками, чем хозяевами. Вся издательская система построена таким образом, что писатель является лишь обременительным звеном в этой сложной цепи. Эта система сложилась в результате бюрократизации редакционно-издательской деятельности.

Год назад писательская бригада обследовала «Советский писатель». У нее было материала не меньше, чем у нас. Выводы же совпадают. Тогда было принято решение, которое поконтра по сути. «Не ждешь ли нашу работу та же участь?» — возникает вопрос.

Отвечая на это может служить нечто, лежащее уже за пределами желания или нежелания издательских работников. Обстановка в нашей стране, утвердившаяся после XX съезда КПСС, с достаточной оптимистичностью свидетельствует, что так продолжаться не будет.

Сейчас отражение наших споров, нашей духовной жизни можно найти лишь в стенограммах, а не в критических отделах газетных журналов и «Литературной газете». Мы превратились в агитов, разговоры которых не шли дальше аудиторий на улице Воробьевской.

А. Сурков вносит на рассмотрение президиума предложения о реорганизации центрального аппарата управления Союза писателей.

Задачи у нас очень большие, закончили свой доклад А. Сурков. Обстановка для решения этих задач благоприятная. В писательской среде созрело все для того, чтобы вести большой и широкий разговор о судьбе литературы не только с оглядкой на прошлое, но и с заглядыванием в будущее.

В прениях по докладу А. Суркова приняли участие также П. Бровка, К. Симонов, В. Смирнов, С. Антонов, Г. Гайдарский, В. Ситин, А. Талвир, Б. Ромашов, Г. Штайн, В. Амаев.

Одобрав общее направление предложений секретариата, президиум постановил поручить секретариату управления, с учетом происшедшего обмена мнениями, доработать проект реорганизации и в течение 1956 года провести в жизнь меры, направленные на улучшение работы аппарата управления Союза писателей СССР, правления Литфонда, издательства «Советский писатель» и печатных органов союза.

БЫСТРЕЕ И ЛУЧШЕ ИЗДАВАТЬ ХОРОШИЕ КНИГИ!

— Если заниматься статистикой издательского дела, — начал свое выступление К. Симонов, — картина может получиться интересной и для многих неожиданной. Книжки у нас выходят миллионными тиражами. У «Огонька» миллионный тираж, у «Крокодила» — почти миллионный. Но 30 лет назад в Москве выходило 9—10 иллюстрированных еженедельников, а сейчас — один «Огонек». В Москве и Ленинграде раньше было несколько сатирических журналов, сейчас — один «Крокодил». Уменьшилось пространство, на котором живет литература, возник своего рода монополизм.

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ЦИФРЫ

В 1926 году в Москве и Ленинграде художественную литературу выпускало гораздо больше издательств, чем теперь. Тираж книг вырос за тридцать лет почти в восемь раз, а количество названий книг растет очень медленно. Потому за тиражом в ущерб количеству названий книг принесла вред: выпускались книги, которые залежались на полках.

Нужно не только создать новое писательское издательство, — продолжал К. Симонов, — но и «Советский писатель» превратить в подлинно писательское издательство. Для этого необходимо во главе «Советского писателя» поставить писателя, выбираемого или назначаемого президиумом Союза писателей, создать коллективный писательский орган, который будет таким же полноправным хозяином издательства, как редколлегии в журналах.

Очень часто, — сказал в заключение К. Симонов, — мы доверяем судьбу книги слабым работникам, иногда систематическим неудачникам. Это неудобно: такой редактор или рецензент и быстро все сделает и мнения своего отстаивать не будет. С этим надо покончить. Следует шире привлекать к такой работе способную литературную молодежь. И опытные писатели могут за год отредактировать одну или две книги молодых писателей и наших товарищей из республик. Редактирование литературы — наше коллективное дело, наш коллективный долг.

— Я знаю редактора из издательства «Советский писатель», — говорил А. Бек. — В большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

Известно от этой тяжелой болезни не легко. Нужно время, чтобы создались новые традиции. Чиновничье отношение к рукописям не прекратилось. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи В. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чудом, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи.

Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

Выступивший после А. Бека К. Федин горячо поддержал идею создания нового писательского издательства. Наши творческие секции, говорил он, часто были пассивны, потому что их деятельность не получала практического выхода. Издательство игнорировало всякого рода отзывы и рекомендации секций. У писательской общественности возникало, естественно, чувство: «Мы рекомендовали, а кому это нужно? Все равно решать будут без нас». Положение должно измениться, ибо проектируемое издательство будет тесно связано с творческими секциями Союза писателей.

— В «Советском писателе», — сказал Н. Чуковский, — замечательный коллектив. Но редакторы хорошие, а система не правильная. Неловким кажется, что сейчас, накануне сорокалетия Октября, когда у нас уже столько лет существует всеобщее обучение, рукописи писателя правят, как школьные изложения. В итоге вышедшая в свет книга очень похожа на суп, в котором каждый полагал палочку.

Такого рода редактирование не преследует никаких других целей, кроме охраны благополучия работников издательства. А страх, известно, на великие дела людей не вдохновляет. Идеал трусливого редактора известен: данную рукопись так напечатать, чтобы как бы не напечатать, или так не напечатать, чтобы как бы не напечатать.

Почему так дорого обходится издательству книга? Из-за колоссальных накладных расходов на рецензирование, из-за очень медленного выпуска книг!

Тов. Лесючевский в докладе предлагал сделать издательство более независимым от секретариата Союза писателей. Очень боюсь, что при нынешней системе работы в издательстве судьба рукописи будет полностью зависеть от редакционного аппарата. Это путь неверный.

— Если заниматься статистикой издательского дела, — начал свое выступление К. Симонов, — картина может получиться интересной и для многих неожиданной. Книжки у нас выходят миллионными тиражами. У «Огонька» миллионный тираж, у «Крокодила» — почти миллионный. Но 30 лет назад в Москве выходило 9—10 иллюстрированных еженедельников, а сейчас — один «Огонек». В Москве и Ленинграде раньше было несколько сатирических журналов, сейчас — один «Крокодил». Уменьшилось пространство, на котором живет литература, возник своего рода монополизм.

Нужно не только создать новое писательское издательство, — продолжал К. Симонов, — но и «Советский писатель» превратить в подлинно писательское издательство. Для этого необходимо во главе «Советского писателя» поставить писателя, выбираемого или назначаемого президиумом Союза писателей, создать коллективный писательский орган, который будет таким же полноправным хозяином издательства, как редколлегии в журналах.

Очень часто, — сказал в заключение К. Симонов, — мы доверяем судьбу книги слабым работникам, иногда систематическим неудачникам. Это неудобно: такой редактор или рецензент и быстро все сделает и мнения своего отстаивать не будет. С этим надо покончить. Следует шире привлекать к такой работе способную литературную молодежь. И опытные писатели могут за год отредактировать одну или две книги молодых писателей и наших товарищей из республик. Редактирование литературы — наше коллективное дело, наш коллективный долг.

— Я знаю редактора из издательства «Советский писатель», — говорил А. Бек. — В большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

Известно от этой тяжелой болезни не легко. Нужно время, чтобы создались новые традиции. Чиновничье отношение к рукописям не прекратилось. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи В. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чудом, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи.

Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

Выступивший после А. Бека К. Федин горячо поддержал идею создания нового писательского издательства. Наши творческие секции, говорил он, часто были пассивны, потому что их деятельность не получала практического выхода. Издательство игнорировало всякого рода отзывы и рекомендации секций. У писательской общественности возникало, естественно, чувство: «Мы рекомендовали, а кому это нужно? Все равно решать будут без нас». Положение должно измениться, ибо проектируемое издательство будет тесно связано с творческими секциями Союза писателей.

— В «Советском писателе», — сказал Н. Чуковский, — замечательный коллектив. Но редакторы хорошие, а система не правильная. Неловким кажется, что сейчас, накануне сорокалетия Октября, когда у нас уже столько лет существует всеобщее обучение, рукописи писателя правят, как школьные изложения. В итоге вышедшая в свет книга очень похожа на суп, в котором каждый полагал палочку.

И д у ш п р е н и я...

Работой издательства должна руководить компетентная группа писателей, подчиненная руководству союза.

КНИГУ ЗА КНИГОЙ!

— Президиум Союза писателей, — сказал С. Кирсанов, — в прежнее время занимался, главным образом, штамповой работой по подготовке аппарату решений, а сегодня, может быть, впервые, так глубоко подошел к самым насущным и наиболее важным вопросам организации нашего литературного дела.

Мы уже утратили нормальное представление о сроках выхода книг. Когда книга вышла, то мне хочется писать еще и еще. А теперь тебе в издательстве говорят, что твою книгу включают в план выпуска 1957 года. И оказывается, что это счастье! А мне хочется, чтобы моя книга была выпущена быстрее. И так было. Вспомните Маяковского: «Меня ж печатать прошу летучим дождем брошюр». Он приехал из Америки в 1925 году, а через несколько месяцев мы держали в руках его книгу «Мое открытие Америки». Вот как делалось! Почему мы не можем это делать сейчас?

Монополизм вкуса в издательском деле крайне вреден. К писателям предъявлялись нелепые, вольные требования. Опасность не в том, что писатели будто бы говорят ложь о жизни (эта ложь сразу видна), а в том, что у нас от истинной правды жизни иной раз плещут с ложным лафосом. О прекрасном в стране, об изумительных новых людях стали говорить порой фальшиво. Разве не встречались у нас такие редакторы, которые требовали обязательного подовать все в лоб, чтобы молодой человек не просто сказал: «Я тебя люблю», а обязательно: «Я тебя люблю, смотри, какие у нас замечательные перспективы», испортив этим и перспективы и любовь!

Это вопрос важный, требующий большого племени правления Союза писателей, пленума, направленного против серости, против нивелирования, за ленинские нормы в литературе и искусстве.

С. Кирсанов поддерживает мысль К. Симонова о необходимости «разукрупнения» наших журналов. По мнению С. Кирсанова, писатели, объединенные творческой общностью, должны получить возможность выпускать в своем писательском издательстве сборники и альманахи.

Мы столько занимаемся административными делами, что наши товарищи писатели, ставшие руководителями, часто воспринимаются нами как начальники. А у нас в литературе не должно быть ни писателей, ни начальников. Поэтому нужно добиться такого положения, когда руководство будет осуществляться нами, так же естественно, как дружеский разговорный разговор друг с другом.

— В условиях массового выхода литературы, — говорил А. Бек, — в большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

Известно от этой тяжелой болезни не легко. Нужно время, чтобы создались новые традиции. Чиновничье отношение к рукописям не прекратилось. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи В. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чудом, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи.

Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

Выступивший после А. Бека К. Федин горячо поддержал идею создания нового писательского издательства. Наши творческие секции, говорил он, часто были пассивны, потому что их деятельность не получала практического выхода. Издательство игнорировало всякого рода отзывы и рекомендации секций. У писательской общественности возникало, естественно, чувство: «Мы рекомендовали, а кому это нужно? Все равно решать будут без нас». Положение должно измениться, ибо проектируемое издательство будет тесно связано с творческими секциями Союза писателей.

— В «Советском писателе», — сказал Н. Чуковский, — замечательный коллектив. Но редакторы хорошие, а система не правильная. Неловким кажется, что сейчас, накануне сорокалетия Октября, когда у нас уже столько лет существует всеобщее обучение, рукописи писателя правят, как школьные изложения. В итоге вышедшая в свет книга очень похожа на суп, в котором каждый полагал палочку.

Такого рода редактирование не преследует никаких других целей, кроме охраны благополучия работников издательства. А страх, известно, на великие дела людей не вдохновляет. Идеал трусливого редактора известен: данную рукопись так напечатать, чтобы как бы не напечатать, или так не напечатать, чтобы как бы не напечатать.

Почему так дорого обходится издательству книга? Из-за колоссальных накладных расходов на рецензирование, из-за очень медленного выпуска книг!

Тов. Лесючевский в докладе предлагал сделать издательство более независимым от секретариата Союза писателей. Очень боюсь, что при нынешней системе работы в издательстве судьба рукописи будет полностью зависеть от редакционного аппарата. Это путь неверный.

— Если заниматься статистикой издательского дела, — начал свое выступление К. Симонов, — картина может получиться интересной и для многих неожиданной. Книжки у нас выходят миллионными тиражами. У «Огонька» миллионный тираж, у «Крокодила» — почти миллионный. Но 30 лет назад в Москве выходило 9—10 иллюстрированных еженедельников, а сейчас — один «Огонек». В Москве и Ленинграде раньше было несколько сатирических журналов, сейчас — один «Крокодил». Уменьшилось пространство, на котором живет литература, возник своего рода монополизм.

Нужно не только создать новое писательское издательство, — продолжал К. Симонов, — но и «Советский писатель» превратить в подлинно писательское издательство. Для этого необходимо во главе «Советского писателя» поставить писателя, выбираемого или назначаемого президиумом Союза писателей, создать коллективный писательский орган, который будет таким же полноправным хозяином издательства, как редколлегии в журналах.

Очень часто, — сказал в заключение К. Симонов, — мы доверяем судьбу книги слабым работникам, иногда систематическим неудачникам. Это неудобно: такой редактор или рецензент и быстро все сделает и мнения своего отстаивать не будет. С этим надо покончить. Следует шире привлекать к такой работе способную литературную молодежь. И опытные писатели могут за год отредактировать одну или две книги молодых писателей и наших товарищей из республик. Редактирование литературы — наше коллективное дело, наш коллективный долг.

— Я знаю редактора из издательства «Советский писатель», — говорил А. Бек. — В большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

И д у ш п р е н и я...

Работой издательства должна руководить компетентная группа писателей, подчиненная руководству союза.

КНИГУ ЗА КНИГОЙ!

— Президиум Союза писателей, — сказал С. Кирсанов, — в прежнее время занимался, главным образом, штамповой работой по подготовке аппарату решений, а сегодня, может быть, впервые, так глубоко подошел к самым насущным и наиболее важным вопросам организации нашего литературного дела.

Мы уже утратили нормальное представление о сроках выхода книг. Когда книга вышла, то мне хочется писать еще и еще. А теперь тебе в издательстве говорят, что твою книгу включают в план выпуска 1957 года. И оказывается, что это счастье! А мне хочется, чтобы моя книга была выпущена быстрее. И так было. Вспомните Маяковского: «Меня ж печатать прошу летучим дождем брошюр». Он приехал из Америки в 1925 году, а через несколько месяцев мы держали в руках его книгу «Мое открытие Америки». Вот как делалось! Почему мы не можем это делать сейчас?

Монополизм вкуса в издательском деле крайне вреден. К писателям предъявлялись нелепые, вольные требования. Опасность не в том, что писатели будто бы говорят ложь о жизни (эта ложь сразу видна), а в том, что у нас от истинной правды жизни иной раз плещут с ложным лафосом. О прекрасном в стране, об изумительных новых людях стали говорить порой фальшиво. Разве не встречались у нас такие редакторы, которые требовали обязательного подовать все в лоб, чтобы молодой человек не просто сказал: «Я тебя люблю», а обязательно: «Я тебя люблю, смотри, какие у нас замечательные перспективы», испортив этим и перспективы и любовь!

Это вопрос важный, требующий большого племени правления Союза писателей, пленума, направленного против серости, против нивелирования, за ленинские нормы в литературе и искусстве.

С. Кирсанов поддерживает мысль К. Симонова о необходимости «разукрупнения» наших журналов. По мнению С. Кирсанова, писатели, объединенные творческой общностью, должны получить возможность выпускать в своем писательском издательстве сборники и альманахи.

Мы столько занимаемся административными делами, что наши товарищи писатели, ставшие руководителями, часто воспринимаются нами как начальники. А у нас в литературе не должно быть ни писателей, ни начальников. Поэтому нужно добиться такого положения, когда руководство будет осуществляться нами, так же естественно, как дружеский разговорный разговор друг с другом.

— В условиях массового выхода литературы, — говорил А. Бек, — в большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

Известно от этой тяжелой болезни не легко. Нужно время, чтобы создались новые традиции. Чиновничье отношение к рукописям не прекратилось. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи В. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чудом, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи.

Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

Выступивший после А. Бека К. Федин горячо поддержал идею создания нового писательского издательства. Наши творческие секции, говорил он, часто были пассивны, потому что их деятельность не получала практического выхода. Издательство игнорировало всякого рода отзывы и рекомендации секций. У писательской общественности возникало, естественно, чувство: «Мы рекомендовали, а кому это нужно? Все равно решать будут без нас». Положение должно измениться, ибо проектируемое издательство будет тесно связано с творческими секциями Союза писателей.

— В «Советском писателе», — сказал Н. Чуковский, — замечательный коллектив. Но редакторы хорошие, а система не правильная. Неловким кажется, что сейчас, накануне сорокалетия Октября, когда у нас уже столько лет существует всеобщее обучение, рукописи писателя правят, как школьные изложения. В итоге вышедшая в свет книга очень похожа на суп, в котором каждый полагал палочку.

Такого рода редактирование не преследует никаких других целей, кроме охраны благополучия работников издательства. А страх, известно, на великие дела людей не вдохновляет. Идеал трусливого редактора известен: данную рукопись так напечатать, чтобы как бы не напечатать, или так не напечатать, чтобы как бы не напечатать.

Почему так дорого обходится издательству книга? Из-за колоссальных накладных расходов на рецензирование, из-за очень медленного выпуска книг!

Тов. Лесючевский в докладе предлагал сделать издательство более независимым от секретариата Союза писателей. Очень боюсь, что при нынешней системе работы в издательстве судьба рукописи будет полностью зависеть от редакционного аппарата. Это путь неверный.

— Если заниматься статистикой издательского дела, — начал свое выступление К. Симонов, — картина может получиться интересной и для многих неожиданной. Книжки у нас выходят миллионными тиражами. У «Огонька» миллионный тираж, у «Крокодила» — почти миллионный. Но 30 лет назад в Москве выходило 9—10 иллюстрированных еженедельников, а сейчас — один «Огонек». В Москве и Ленинграде раньше было несколько сатирических журналов, сейчас — один «Крокодил». Уменьшилось пространство, на котором живет литература, возник своего рода монополизм.

Нужно не только создать новое писательское издательство, — продолжал К. Симонов, — но и «Советский писатель» превратить в подлинно писательское издательство. Для этого необходимо во главе «Советского писателя» поставить писателя, выбираемого или назначаемого президиумом Союза писателей, создать коллективный писательский орган, который будет таким же полноправным хозяином издательства, как редколлегии в журналах.

Очень часто, — сказал в заключение К. Симонов, — мы доверяем судьбу книги слабым работникам, иногда систематическим неудачникам. Это неудобно: такой редактор или рецензент и быстро все сделает и мнения своего отстаивать не будет. С этим надо покончить. Следует шире привлекать к такой работе способную литературную молодежь. И опытные писатели могут за год отредактировать одну или две книги молодых писателей и наших товарищей из республик. Редактирование литературы — наше коллективное дело, наш коллективный долг.

— Я знаю редактора из издательства «Советский писатель», — говорил А. Бек. — В большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

И д у ш п р е н и я...

Работой издательства должна руководить компетентная группа писателей, подчиненная руководству союза.

КНИГУ ЗА КНИГОЙ!

— Президиум Союза писателей, — сказал С. Кирсанов, — в прежнее время занимался, главным образом, штамповой работой по подготовке аппарату решений, а сегодня, может быть, впервые, так глубоко подошел к самым насущным и наиболее важным вопросам организации нашего литературного дела.

Мы уже утратили нормальное представление о сроках выхода книг. Когда книга вышла, то мне хочется писать еще и еще. А теперь тебе в издательстве говорят, что твою книгу включают в план выпуска 1957 года. И оказывается, что это счастье! А мне хочется, чтобы моя книга была выпущена быстрее. И так было. Вспомните Маяковского: «Меня ж печатать прошу летучим дождем брошюр». Он приехал из Америки в 1925 году, а через несколько месяцев мы держали в руках его книгу «Мое открытие Америки». Вот как делалось! Почему мы не можем это делать сейчас?

Монополизм вкуса в издательском деле крайне вреден. К писателям предъявлялись нелепые, вольные требования. Опасность не в том, что писатели будто бы говорят ложь о жизни (эта ложь сразу видна), а в том, что у нас от истинной правды жизни иной раз плещут с ложным лафосом. О прекрасном в стране, об изумительных новых людях стали говорить порой фальшиво. Разве не встречались у нас такие редакторы, которые требовали обязательного подовать все в лоб, чтобы молодой человек не просто сказал: «Я тебя люблю», а обязательно: «Я тебя люблю, смотри, какие у нас замечательные перспективы», испортив этим и перспективы и любовь!

Это вопрос важный, требующий большого племени правления Союза писателей, пленума, направленного против серости, против нивелирования, за ленинские нормы в литературе и искусстве.

С. Кирсанов поддерживает мысль К. Симонова о необходимости «разукрупнения» наших журналов. По мнению С. Кирсанова, писатели, объединенные творческой общностью, должны получить возможность выпускать в своем писательском издательстве сборники и альманахи.

Мы столько занимаемся административными делами, что наши товарищи писатели, ставшие руководителями, часто воспринимаются нами как начальники. А у нас в литературе не должно быть ни писателей, ни начальников. Поэтому нужно добиться такого положения, когда руководство будет осуществляться нами, так же естественно, как дружеский разговорный разговор друг с другом.

— В условиях массового выхода литературы, — говорил А. Бек, — в большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников.

Известно от этой тяжелой болезни не легко. Нужно время, чтобы создались новые традиции. Чиновничье отношение к рукописям не прекратилось. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи В. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чудом, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи.

Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

Выступивший после А. Бека К. Федин горячо поддержал идею создания нового писательского издательства. Наши творческие секции, говорил он, часто были пассивны, потому что их деятельность не получала практического выхода. Издательство игнорировало всякого рода отзывы и рекомендации секций. У писательской общественности возникало, естественно, чувство: «Мы рекомендовали, а кому это нужно? Все равно решать будут без нас». Положение должно измениться, ибо проектируемое издательство будет тесно связано с творческими секциями Союза писателей.

— В «Советском писателе», — сказал Н. Чуковский, — замечательный коллектив. Но редакторы хорошие, а система не правильная. Неловким кажется, что сейчас, накануне сорокалетия Октября, когда у нас уже столько лет существует всеобщее обучение, рукописи писателя правят, как школьные изложения. В итоге вышедшая в свет книга очень похожа на суп, в котором каждый полагал палочку.

Такого рода редактирование не преследует никаких других целей, кроме охраны благополучия работников издательства. А страх, известно, на великие дела людей не вдохновляет. Идеал трусливого редактора известен: данную рукопись так напечатать, чтобы как бы не напечатать, или так не напечатать, чтобы как бы не напечатать.

Почему так дорого обходится издательству книга? Из-за колоссальных накладных расходов на рецензирование, из-за очень медленного выпуска книг!

Тов. Лесючевский в докладе предлагал сделать издательство более независимым от секретариата Союза писателей. Очень боюсь, что при нынешней системе работы в издательстве судьба рукописи будет полностью зависеть от редакционного аппарата. Это путь неверный.

— Если заниматься статистикой издательского дела, — начал свое выступление К. Симонов, — картина может получиться интересной и для многих неожиданной. Книжки у нас выходят миллионными тиражами. У «Огонька» миллионный тираж, у «Крокодила» — почти миллионный. Но 30 лет назад в Москве выходило 9—10 иллюстрированных еженедельников, а сейчас — один «Огонек». В Москве и Ленинграде раньше было несколько сатирических журналов, сейчас — один «Крокодил». Уменьшилось пространство, на котором живет литература, возник своего рода монополизм.

Нужно не только создать новое

Послание Фредерика Жолио-Кюри XIV съезду Французской коммунистической партии

В послании Фредерика Жолио-Кюри XIV съезду Французской коммунистической партии, которое было оглашено на заседании съезда 20 июля, говорится:

Дорогие товарищи!

Мне хорошо понятно значение того доверия, которое оказала мне федерация департамента Сены на своей конференции, избрав меня делегатом XIV съезда. Я сознаю значение этого избрания и ответственность, которую оно влечет. Я вынужден заканчивать серьезный курс лечения и глубоко сожалею, что не могу участвовать в ваших работах и вынужден ограничить свое участие отправкой послания.

За эти последние годы события исключительной важности сменяют друг друга. Без преувеличения можно говорить о полновесных событиях, преобразующих и беспрецедентных масштабах, которые до сих пор многими считались справедливыми и неизбежными. Не будет преувеличением сказать, что человечество переживает великий поворот в своей истории. Как прекрасно жить и работать в такую эпоху!

Эта эпоха, несмотря на несправедливости, невзгоды и преступления, которые еще имеют место в большом количестве, ясно показывает, что усилия и жертвы прогрессивных людей, предшествующих нам, не были напрасными. Были одержаны победы огромного и, можно сказать, решающего значения для будущего. С каждым днем все больше людей начинают понимать, что их судьба, их движение вперед зависят от того, как каждый из них действует и действует. Они не считают себя большими свидетелями, беспомощными перед событиями, объясняемыми волей и капризами высших сил, исходящих от привилегированных меньшинств или богов, природы или людей.

Эволюция прогресса, сначала очень медленная и порой прерываемая быстрыми революционными успехами любого характера, естественно, должна была ускорить свои темпы под давлением все большего числа людей, исполненных решимости, несмотря на все препятствия, ликвидировать эксплуатацию человека человеком, людей, стремящихся создать таким образом условия материального и духовного освобождения всего человечества.

Сегодня ясно представляется во всей своей силе и огромный прогресс, объясняемый делом Маркса, который сумел с помощью научного метода установить важнейшие законы эволюции человеческих обществ! Насколько ценно для нас обогащение марксизма и конкретные доказательства ценности метода, данные Лениным и его учениками в развитии русской революции!

Нужно также сказать о приходе многих стран к социализму, сказать также о завоеванной независимости или о стремлении к независимости народов, которые вчера еще были колонизаторами или которые являлись еще им. Но в эти последние годы, кроме того, мы являлись свидетелями развития науки и техники с их грандиозным применением в мирных целях, но также — и их разрушительное использование. И в этом отношении выбор между благотворными и разрушительными аспектами не является больше делом меньшинства, а делом общественного мнения, которое нужно не прерываемо информировать таким образом, чтобы каждый чувствовал себя лучше вооруженным для того, чтобы требовать благословений от науки и бороться против тех, кто обращает ее на разрушение и смерть.

Проблемы войны и мира перестали находиться в зависимости только от власти меньшинств, которым удавалось до сих пор под ложными предлогами влекать народы в бойни, несмотря на ужас, который они все питают к войне. Благодаря всемирной деятельности в защиту мира во всем мире существует большое общественное мнение, которое нельзя больше легко обмануть. Оно является уже большой силой, с которой нужно считаться для разрешения международных проблем.

Одним из следствий этой признанной силы общественного мнения народов является недавняя замена опасной «холодной войны» ослаблением напряженности.

Силы мира, вместе с которыми каждый коммунист должен действовать, должны упорно и неустойчиво стремиться к тому, чтобы это общественное мнение все больше и больше создавало свою силу и имело возможность противодействовать войне.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза подвел грандиозные итоги огромных достижений. Советский Союз за двадцать лет стал одной из самых важных держав всего мира. Эти социальные, технические и культурные преобразования были совершены беспрецедентными темпами.

Эти положительные итоги, как и исправления, внесенные XX съездом, являются замечательным примером силы и мощи великой коммунистической партии, воодушевленной и руководимой своими принципами и заботой о будущем.

Из этого мы можем извлечь новое доказательство глубокого различия, существующего между капиталистической системой и социалистической системой.

При капиталистической системе человек, обладая всеми возможными качествами, но находясь на службе капитализма и следуя его правилам, постоянно находится в положении, которое в лучшем случае может побудить его выбрать решение, менее плохое, чем другое решение для массы своих сограждан из своей страны. Его поведение в основном зависит от самой системы, а не от его качеств.

Социалистическая система никогда не ставит в такое положение того, кто ей служит. Приняв от его действия благо или зло, зависит от его качеств, а не от системы. И поскольку речь идет о человеческих качествах, общество — хозяин, оно может либо изменить человека, либо его заменить.

Точно так же прекрасный ученый, распускающий логично, но исходя из неправильных основ, не может прийти к правильным выводам. Если предположить правильные, то вопрос о том, будут ли выводы хороши или плохи, зависит исключительно от качества

ученого, и мы сможем судить о нем, доверять ему или не доверять.

Тот факт, который мы понимаем, а именно, что благо или зло зависят от качества руководителей, а не от социалистической доктрины или системы, должен заставить нас бдительнее следить за выбором хороших руководителей, чтобы добиться основных целей как можно скорее и с наибольшим результатом общих усилий.

Я хочу подчеркнуть значение этой двойной необходимости: как можно быстрее и с наибольшим результатом. Некоторые говорят, что движение к коммунизму неизбежно, что капитализм несет в самом себе зачатки своего уничтожения и в силу этого исчезнет. Это верно, но нельзя, чтобы подобные заявления привели к своего рода выжиданию и фатализму.

История свидетельствует о долговечности существовавшей феодальной системы или капиталистической системы, которая еще существует. Наша роль именно в том и заключается, чтобы действовать с целью ускорения правильного хода истории.

Позвольте мне добавить еще несколько замечаний о жизни нашей партии. Несмотря на всю их простоту, я думаю, что им нужно придать определенное значение. Речь идет о доводах, которые мне приходилось приводить во время многих бесед с товарищами и с честными людьми, не разделяющими мои убеждения.

В нашей партии постепенное выживание на основе фактов, как человек проявил себя в борьбе, причем в качестве критерия не забывают о самой практике руководства, которая обеспечивает приобретение неоценимого опыта. Именно этим объясняется то, что в общем оказались неопороченными правильными столько линий и политических мер, разработанных и проведенных нашей партией.

Долг каждого коммуниста состоит в том, чтобы сделать все для еще большего обогащения опыта партии и ее руководителей. Это подразумевает, что все члены партии должны действовать, чтобы оценки, критика, предложения, исходящие от партийных организаций, ячеек, секций, федераций, дошли до руководства. Как и вся научная деятельность, определение политики партии требует точного знания фактов. Не сообщать об этих оценках, этой критике или этих предложениях — значит лишить партию знакомства с частью этих необходимых фактов.

Даже если они сформулированы не полно и неидеально верны во всех своих частях, эту критику и эти предложения надо высказывать с самым большим вниманием, стараясь выявить верную часть. Но насколько полезнее та критика, вместе с которой предлагается выход. Вспомним, что мы не можем говорить компетентно обо всем. Компетенция каждого человеческого существа ограничена, и надо добиваться, чтобы он формулировал свою критику особенно в своей области.

Таким образом, в партии реализуется постоянное двойное общение — между низовыми организациями партии, массой ее членов и руководством. Речь не идет о том, чтобы постоянно ставить под сомнение принятые решения, что лишило бы борьбу всякой действительности. Речь идет о прямом участии партийной массы в разработке решений и о постоянном внесении в них коррективов в зависимости от каждодневных сложностей, трудностей и успехов, с которыми сталкиваются все партийные организации при проведении их в жизнь. Низовые организации партии не имеют права позволять руководству не считаться с их трудностями, сомнениями, критикой. Руководство не имеет права предоставлять членам партии бархатистую в трудностях, не помогая им своим опытом.

Мне иногда приходилось при чтении какого-либо текста заявления Центрального Комитета, Политбюро, секретариата или партийного руководителя удивляться или даже не соглашаться сперва с тем или иным положением. Зная о тех условиях, в которых наиболее ответственные товарищи смогли согласиться занять руководящие посты, и проверив справедливость их суждений в различных обстоятельствах, я отверг упрощенческую и глупую точку зрения, заключающуюся в том, чтобы безапелляционно заявлять, что такая позиция достойна сожаления. Мой долг состоял в том, чтобы поразмыслить и попытаться понять причины, породившие такую позицию. В результате чаще всего у меня создавалось впечатление, что эти решения хорошо обоснованы. Но, когда мне не удается понять причины, тогда я всегда откровенно беседовал с заинтересованными и ответственными товарищами, и такая беседа оказывалась полезной.

Каждый из нас может действовать таким образом, начиная, к тому же, с суждений на уровне своей ячейки, своей секции, своей федерации. Для нас особенно важно хорошо знать среду, окружающую нас, понять интересы честных людей и чувства, которые они испытывают по нашему адресу, понять их язык. Мы должны избегать того, чтобы, усвоив слишком резкий, а поэтому и малобудительный стиль, отталкивать от себя людей, приближающихся к нам и начинающих понимать нашу политику, нашу позицию. По существу не должен быть какой-то особый стиль. Имеется один язык, один словарь, доступный и понятный для всех. Если критика со стороны тех или иных товарищей является важной, знакомство с замечаниями, с критикой, высказанной по нашему адресу честными людьми, имеет не менее важное значение.

Если мы не ознакомимся с этим, мы рискуем оказаться в изоляции и отторгаться от среды. Коммунисты не образуют какую-то особую секту; они являются частью нации. Наши противники считают, что партийная дисциплина носит принудительный характер, и они обвиняют партию в том, что она подавляет инициативу и творческую мысль. Мне думается, что такая дисциплина является необходимой и представляет собой большую силу. Но не

годится, чтобы решения выполнялись исключительно благодаря дисциплине и без наличия самого глубокого согласия.

По существу можно принимать ту или иную позицию в результате доверия, но нужно стремиться к тому, чтобы существовало глубокое согласие. Необходимо исходить из этого при выполнении какого-то решения таким образом, чтобы действие было результатом убеждения настолько глубокого, когда кажется, что как будто это решение исходило от нас самих. Таким путем может возникнуть энтузиазм и проявиться счастливая инициатива, ведущая к успеху.

Недавние события, возникшие после XX съезда, вызвали со стороны многих представителей интеллигенции призывы и советы, которые зачастую являются оскорбительными: Освободитесь! — говорят коммунистам — представителям интеллигенции; освободитесь! Но от чего мы должны, по их мнению, освободиться? Никогда я не чувствовал себя таким свободным. Какая это будет свобода, если мы поддадимся таким призывам со стороны тех, кто был бы очень доволен увидеть, как в результате такого процесса в наших рядах возникло бы разобщение? Конечно, мы должны обсуждать эти вопросы, разные вопросы, обсуждать серьезно и с достоинством. Нельзя отрицать, что речь идет о важных и сложных проблемах, к которым нельзя относиться с легкостью, и я считаю, что для того, чтобы быть в состоянии лучше судить о них, мы, коммунисты, представители интеллигенции, должны постоянно помнить о тех великих целях, ради которых мы боремся бок о бок с теми, кто является жертвами самых больших несправедливостей и эксплуатации.

Как университетский работник, например, я никогда не упускаю из виду во время этих обсуждений тот факт, что менее двух процентов учащихся являются выходцами из рабочего класса. Картина этих несправедливостей, этого неравенства с момента рождения, позволяет правильно оценить время, посвященное этим обсуждениям, значение которых, я повторяю, нельзя отрицать, и позволяет, кроме того, вести эти дискуссии на лучшей основе.

Больше, чем кто-либо другой, мы любим свободу, но не такую свободу, которая состоит в эксплуатации своего ближнего, не такую свободу, которая может приспособиться к капиталистической системе, а свободу, очищенную от всякого лицемерия, от всякой лжи. Мы слишком уважаем слово свобода, чтобы с легкостью использовать его.

Свобода выигрывает от наших совместных усилий. Мы озабочены тем, чтобы исчезли социальные несправедливости, нищета, ложь, унижение и моральное осуждение, присущие капиталистической системе. Борьба вместе с теми, кто самым непосредственным образом страдает от этих несправедливостей, мы находимся в положении, в котором мы можем содействовать их исчезновению. Наша свобода вытекает из этого воодушевляющего чувства эффективности.

Более того, люди не являются совершенными. Ошибки имели место, и некоторые были очень серьезными. Все должны их осудить, и каждый может увидеть, как мы их осуждаем, когда они являются ошибками, а не ошибками великого человека, как товарищ Сталин. Но эти дела не касаются ни марксистско-ленинского учения, ни социалистической системы. Эти дела касаются людей, и можно избежать их повторения, опираясь на систему и ссылаясь на доктрину. Мы сами сумеем таким образом избежать их появления в нас.

Это не является оправданием, далеко нет, но сколько преступлений, я спрашиваю вас, совершается ежедневно в странах, которые провозглашают себя сторонниками свободы и в которых, например, под предлогом умиротворения убивают тысячи людей?

Дорогие товарищи! Наша страна так же переживает это разветвление, эту быструю смену событий, которые придают тон нашей эпохе.

За периодом огромного энтузиазма и большого подъема реконструкции и возрождения Франции, наступившим после освобождения под влиянием народных сил, последовал период отступления тех, кто боялся народа и не веря в его замечательные качества, уступил иностранному давлению и иностранным требованиям. Тем самым они смогли обеспечить себе большие прибыли, нанеся материальный ущерб трудящимся, а также моральный ущерб стране. Они смогли привокать нашу страну к коалиции и сделать все, чтобы вовлечь ее в крестовый поход против сил прогресса.

Кисти Французской коммунистической партии, она противодействовала с самого начала этой политике, противоречащей интересам Франции.

Но очень многие французы хорошо осознают опасность этой политики и ослабление положения нашей страны в мире. Демонстрация этого мы можем найти в результатах выборов 2 января. Многие избирательные программы были вынуждены в большей или меньшей степени отразить глубокое и новое стремление народа к изменению внутренней и внешней политики Франции. И в этом отношении, опираясь на эту волю и выражая ее более конкретно и более действенно, можно эффективно осуществить эти спасительные изменения. Эти выборы подтвердили оценку, сделанную XIII съездом в отношении стремлений народных сил и соотношения политических сил. Результаты выборов являются следствием усилий, предпринятых в соответствии с этой оценкой. Мы в состоянии предвидеть еще более важные изменения, осуществление которых зависит в основном от наших усилий, от нашей способности убедить и повести за собой. Сама цель и задача XIV съезда заключается в том, чтобы подготовить для нашей страны завтрашний день, отныне уже очень близкий и достойный славной истории Франции и ее народа.

Наши рабочие, наши земледельцы, представители нашей интеллигенции имеют очень большие достоинства и будут работать, я в этом уверен, во имя счастья всех и во имя мира с тем творческим энтузиазмом, который делает ставку счастливым и полезной всему миру.

ТАВР, 21 июля

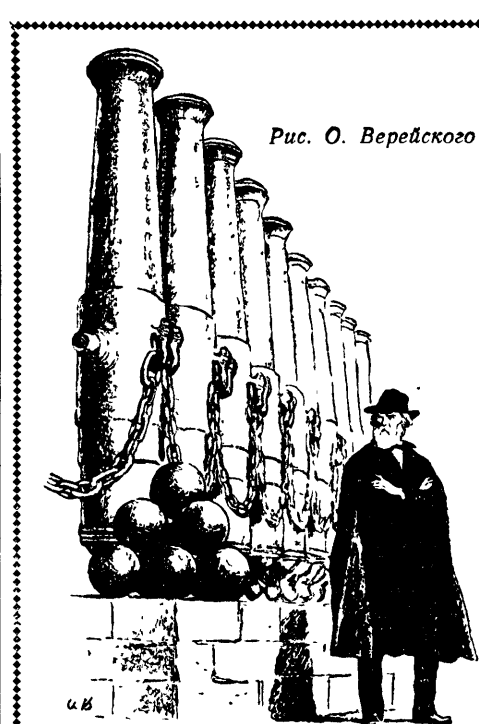

Рис. О. Верейского

Заседание Комиссии ООН по разоружению. Американский делегат Лодж доказывает, что США не могут принять советское предложение об отказе от применения силы и использования атомного оружия. Знакомая ситуация... И вдруг на галерее для гостей неслышно распахнулись двери и в зале появился седовласый старец в длинном черном сюртуке — Генри Уодсворт Лонгфелло.

Широко отмечено в Англии 160-летие со дня смерти великого поэта Роберта Бернса. О народной поэзии к Бернсу рассказывает в своем очерке А. Елистратова, пообщавшаяся с группой советских литераторов на родине поэта в Шотландии.

Живой Бернс

В Шотландии много памятников Роберту Бернсу. В Эйре, Кильмарнок, Дамфризе, Глазго, Эдинбурге — всюду встретитесь его овеянные ветрами и туманами, открытые и мужественные крестьянские лица, с чуть нахмуренной складкой губ, задумчивым взглядом и высоким лбом мыслителя. За плутом, как бывало при жизни, увековечен он на надгробном изваянии на кладбище при церкви св. Михаила в Дамфризе; а возле мраморной борозды у его ног жмется потрепанная плутом крошечная мраморная полевая мышка, как та, которую воспел когда-то Бернс в своих грустно-шутливых стихах.

Но не в камне и бронзе живет великий поэт Шотландии. В этом мы, группа советских литераторов, посетивших в прошлом году родину поэта, имели неоценимую возможность убедиться. Рождение всей полнотой народной жизни, вобравшее в себя память народных обид, надежд и мечтаний, творчество Бернса естественно вернулось к народу, стало неотъемлемой частью его духовного мира. 25 января — день рождения Роберта Бернса — уже давно сделалось национальным праздником. Посещая в Шотландии в этот день — и в ратушах больших городов и в самых глухих рыбацких и шахтерских поселках — на средства клубов Бернса, возникших еще на рубеже XVIII и XIX веков, и складывая устрояющиеся вечера, освещенные обычным церемониальным подсвечником и забавные и торжественные подробности этих празднеств. «Хатгис» — увековеченный Бернсом плутиг из потрохов и овсянки — появляется в зале как знатный гость под выкрик волины, и председатель, встав, приветствует это блюдо, читая обращение Бернса «К хатгису». Стихи Бернса влетают в каждый из традиционных тостов: а главный из них неизменно по праву посвящается бессмертной памяти поэта. Но как ни прок этот праздничный ритуал — дань одного вечера, — он не может дать представление о том, как прочно входит Бернс в каждодневную жизнь простых людей его родины. Даже недолгое пребывание в Шотландии достаточно, чтобы запечатлеть в памяти множество неповторимых подробностей, без слов говорящих об этом.

Вспоминается долгий июньский вечер в маленьком приморском местечке на юго-западном побережье Шотландии. На плотном влажном песке во время отлива молодежи, сбившись в стайки по восемь человек, без устали танцует замасловатые и запыленные шотландские народные танцы, в ритме которых писал свои песни Бернс. Заходям отхотнуть в чайную. Вокруг дома на обломках камней и в углублении между скалами светятся ярким многоцветным ковром низкорослые горные цветы. Этот азийский салик — гордость хозяев: пятнадцат лет терпеливого труда понаблюдали для того, чтобы вырастить его наперекор морским ветрам. Хозяйка, суровая пожилая шотландка, недоверчиво поглядывает на нас. Но речь заходит о Бернсе — и вот уже лед сломан. Она просит нас написать ей на память по-русски хоть несколько строк из «Честной бедности»:

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по плутиге,
Кто честным кормится трудом,
Таких зову я знатно.

И на прощанье, улыбаясь и пожимая нам руки, она произносит сразу оба известных ей русских слова: «Спасибо! Ничего!»

А рядом с этим вспоминается другой, зимний вечер. Шотландский январь, чем-то напоминающий нашу раннюю весну; тусклые отблески заката над еще не оттаявшими пустынными полями... Мы только что простились с Эллисменом — последней фермой, на которой работал Бернс. В то время как наш автобус осторожно двинулся по скользкой дороге, посыпавшейся песком, Запела одна из пассажирок, немолда женщина, вопогласа, про себя; но песню подхватили все, и она зазвучала печально и раздельно. Это была знаменитая прощальная песня Бернса — та самая, которую строфу которой чуть нечисто, но с захватывающей сердце силой перевел Лермонтов:

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знали.

Генри ЛОНГФЕЛЛО АРСЕНАЛ В СПРИНГФИЛДЕ

фелло, выдающийся американский поэт, автор всемирно известной «Песни о Гайавате». С минуту он изумленно слушал речь своего соотечественника, вникая в ее смысл, потом грозно нахмурился...

Это, конечно, фантазия. Американский бард почил в 1832 году. Но и сейчас его стихи зачитывают мир. Мы помещаем новый перевод стихотворения Лонгфелло «Арсенал в Спрингфилде». При всей своей религиозной окраске эти стихи звучат как страстный и непримиримый протест против войны, против гонки вооружений.

Вот арсенал. Чудовищным орудием
Блещут оружейные стволы.
Нет, не хоралом — грохотом
Нежданным

Они встревожат мирные углы.
Ах, что за рев возникнет
В атмосфере,

Лишь ангел смерти кланыв нажмет!
Какая скорбь и мрачный Мизерер!
Сольются с воем, рвущим небосвод!

Я слышу хор свирельный, бесконечный,
И хрип агоний, и немолчаливый стон;
Сквозь тьму веков к нам бойни
Отзвук вечный

Доходит с незапамятных времен.
Кует саксонский молот шлем и латы,
Поет в Киммерийских чашах скандинав,
Татарских полчищ топот, как раскаты
Степной грозы, я слышу, заревожар.

Вот колоколом бранным ночь
Тревожа,

Покинул флорентинец замок свой;
Бьют в барабаны из эманной кожи
Жрецы ацтеков, возвеща бой.

Я слышу вопли деревьев сожженных,
И хохот, заглушающий молву;
Голодный вой кварталов осажденных;
Шум грабежа, солдатскую гульбу;

Врывающиеся цитадель снарядов,
Ружейных залпов треск и лязг
Клинок,

И мощные регистры канонады
В тональности рокошущих громов.

О, человек, зачем ты нарушаешь
Ужасным шумом мир лесов и нив,
Природы добрый голос заглушаешь,
Небесную гармонию смущаешь!

Когда бы средства зле и разрушения,
Запраты на казармы и суды
Употребить на нужды просвещения,
То в арсеналах не было б нужды,

Постылым стало б ремесло солдата,
И тот народ, который бы опять
На брату руку поднял, предал брата,
На лбу носил бы Кинна печати!

За далью лет и новых поколений,
Слабее, замирает гул мортир.
И слышу я: как благовест весенний,
Христос опять провозглашает: «Мир!»

Мир! И уже дышащем медных глоток
Орган Войны небес не содрогает,
Как песнопенья серафимов кроток,
Напев любви встречает дня приход!

Перевел с английского
Р. МОРАН

Передо мной — пожелтевший листок бумаги: напечатанная на машинке программа школьного концерта в Эйрской академии — средней школе города Эйра, близ которого родился Бернс. На стене актового зала — портрет основателя академии. Почтенный старый джентльмен в пудреном парике и парадном кафтане XVIII века хмуро поглядывает из золотой рамы на то, что происходит на сцене. Кто знает, насколько одобрил бы он этот весенний разлив вольных мелодий, лукавого юмора, смелого чувства: маленький Рональд Джек — самый младший из участников концерта, подавшийся грустью вперед, сжав кулаки, читает стихотворение Бернса «Брюс — шотландец», ставшее неофициальным гимном Шотландии. Звучат трогательные строфы «Жалобы Марии, шотландской королевы», которые читает Арлена Мурр, — и слышишь этот чистый детский голос, жаждущийся на заточение и обиды, начинаешь яснее понимать поэтическую прелесть легендарного образа Марии Стюарт, созданного воображением народа. А вот и песни Бернса — и протяжные, задумчивые, и полные задорного, вызывающего веселья, как песенка «Только свиристель» — и я к тебе выйду, дружок», которую когда-то пела Бернсу Джин Армор, а теперь поет школьница Мойра Андерсон... Ломкие, еще не установившиеся голоса, полудетская угловатость движений, наявная старательность интонаций, но сколько за всем этим неспитворного увлечения, покоряющего своей искренностью душевного подъема.

Так воспоминания о Шотландии Бернса сливаются воспоминаниями о Шотландии наших современников — всех тех, для кого стихи и песни поэта — не просто книжная «литература», а нечто привычное и необходимое, как хлеб и воздух. Перебирая мысленно впечатления от бернсовских памятных мест, неизменно слышишь в то же время живые голоса, видишь дружеские руки, указывающие: «Вот придорожная камель», «мы очистили его от снега. Здесь, говорят, повстречался Бернс с тем прохаживающимся, о котором рассказано в стихах «Смерть и доктор Хорнбук». «Посмотрите налево, — вот за теми деревьями Бернс простился со своей тельской Марией». Вот тропинка над Нисом, над самым образом, — здесь любил бродить Бернс; здесь он сочинил «Тама О'Шентера»... Вот подлинная рукопись «Брюс — шотландец». Сколько огня, сколько страсти в самом почерке! Посмотрите, как выделал он слово «Свобода»!

Бернс не мог бы занимать такого места в жизни его соотечественников, если бы не этот дух народного, зачастую безымянного энтузиазма. Народная, «шиллиговая» подписка воздвигла памятник Бернсу в Глазго. Народная подписка сохранила «старый мост» в Эйре, воспетый поэтом.

Дух народного энтузиазма отразился и в книгах Джеймса Барка, видного шотландского литератора, большую часть жизни посвятившего Бернсу. Уже немолодой, тяжело больной человек, Джеймс Барк молодцев, стоит ему заговорить о Бернсе. Он — неутомимый собиратель и исследователь шотландской народной музыки и песни, глубоко убежденный в том, что нельзя вполне постигнуть величие Бернса-поэта, не зная мелодий, на которые он писал свои песни. Он — текстолог, включивший в недавно опубликованное им издание «Стихов и песен Роберта Бернса» (1955) свыше 60 новых произведений, из которых некоторые были напечатаны впервые. И вместе с тем он — беллетрист, автор пятитомного цикла романов о Бернсе.

Эти романы — «Ветер, который колыхнет ачмен», «Песня в зеленом божьишнике», «Тот, кому дивился весь свет», «На грее разбившейся волны» и «Источник умолкнувшей арфы» — выходили на протяжении девяти лет, с 1946 по 1954 год. Автор объединял весь цикл общим заглавием — «Бессмертная память».

Мой портрет Роберта Бернса беззастенчиво романтичен и идеален; но он прочнее обоснован историческими фактами, чем какой-либо другой, — пишет Барк в предисловии к заключительной части цикла. «Время поставило крест на попытках бесчисленных портретистов Роберта Бернса; и с моей стороны было бы безрасудством жать от времени дисциплярности, которой оно никогда не отличалось. Все, на что я претендую, — это то, что я сделал лучше, что мог, для моего поколения. Это — труд пионера по расчистке почвы от массы вздора и ядовитых зарослей злобной клеветы. Последнее слово о Бернсе еще не написано, — и никогда не будет написано. Последнее слово останется за самим Бернсом, так же, как последнее слово о Бетховене останется за Бетховеном, а последнее слово о Рембрандте — за Рембрандтом».

Перед читателем встает старая Шотландия, родина Бернса. Убогие фермы, где скотники нередко находили приют под одной крышей с людьми; рига, куда приходили учиться танцевать босоногие девушки и парни; угрюмые приходские кирки, разгульные, шумные ярмарки и трактиры, где за кружкой аля или стаканом виски люди заключали сделки, обменивались новостями и слухами, вели заветные разговоры о жизни, плакали и смеялись и пели песни — и старые и новые песни, написанные Робертом Бернсом.

И, вырастая постепенно из множества тщательных выписанных подробностей, перед нами встают образы самого Бернса и его жизненных спутников — тех, кого он презирал и ненавидел, тех, кто был ему дорог, тех, кого он любил.

Пожалуй, самой сильной книгой всего цикла является заключительная его часть — «Источники умолкнувшей арфы». Это — роман о последних годах жизни Бернса в Дамфризе, годах народных возданий и правительственного террора, когда акционному чиновнику Роберту Бернсу было официально предписано «делать свое дело, а не думать», а в послужном его списке начальной школы рукою было начертано: «Поэта не имеет; поэт». Эта книга волнует читателя не только потому, что воочию показывает ту обстановку нужды, тревог и непосильного напряженного труда, в которой прошли последние годы безмерно обремененной жизни Бернса. Она волнует пафосом духовного мужества и гордого достоинства, которые великий поэт Шотландии сумел отстоять наперекор всем гонениям и невзгодам и которые живут, воплощенные навеки, в его «Честной бедности», «Брюс — шотландец», в его «Застольной», славящей дружбу простых людей.

«В Дамфризе, — пишет автор в предисловии к этому последнему роману о Бернсе, — его философия достигла полной зрелости. Он знал все, что можно было знать; видел все, что можно было видеть... Он умер в своей постели на 38-м году жизни; если бы он не умер, общество сошло бы необходимым распять его. Предоставляем читателю судить, была ли трагедией эта ранняя смерть Бернса; а если это была трагедия, то до какой степени».

Всем ходом своего биографического повествования Барк подводит читателя к верному ответу на этот вопрос. Гуманистический, жизнеутверждающий замысел его патристичный полнее всего раскрывается именно здесь, в истолковании трагедии Бернса как трагедии, сказали бы мы, оптимистической, в которой разум, мужество и любовь к жизни восторжествовали над угнетением и смертью, потому что их поддерживала вера в народ.

Автору «Бессмертной памяти» иногда хотелось бы пожелать большей сдержанности в обращении с некоторыми подробностями личной жизни поэта. И не потому, что нам хотелось бы придать Бернсу столь чуждое его облику чопорное, пуританское благообразие и искусственно обуздать, задним числом, кипение его бурных страстей. Но те чувства, которые свободны и естественно, с покоряющей силой выражались в поэзии Бернса, нам кажется, плохо поддаются хотя бы и очень добросовестному и тщательному описанию и пересказу стороннего летописца, в роли которого выступает романист. Быть может, рассматриваемые романы о Бернсе выиграли бы, если бы в некоторых случаях их автор последовал собственному совету, высказанному им в уже цитированном предисловии, и в изображении любовных увлечений поэта предоставил «последнее слово» самому Роберту Бернсу.

Но каковы бы ни были наши частные несогласия с методом построения художественно-биографического повествования, избранным автором «Бессмертной памяти», нет сомнения в том, что эти книги с интересом прочтут те, кому дорога наследия шотландского поэта.

А. ЕЛИСТРАТОВА

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны секретариата — К 4-04-62, разд.: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-03, международной жизни — К 4-03-48, отделе: литератур народов

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б01156.